

I. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Информация для цитирования:

Кожокарь И. П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 196–225. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225.

Kozhokar I. P. *Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava* [Efficiency of Law in the Terminological Apparatus of the Theory of Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 196–225. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225.

УДК 34-44.3

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА
В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ТЕОРИИ ПРАВА**

И. П. Кожокарь

Кандидат юридических наук доцент,
старший научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2020

Введение: термин «эффективность» – один из наиболее популярных в юридической литературе, его применяют к праву, закону, правовому регулированию, правовым нормам, правоприменению, функциям и функционированию права и к множеству других правовых явлений. При этом в теоретико-правовых и отраслевых исследованиях использование этого понятия, как правило, не сдерживается какими-либо методологическими рамками, в результате чего возникает ощущение его неконтролируемого применения, при котором исчезает какая-либо теоретико-методологическая ценность этого явления. Сложности правового понимания эффективности обусловлены использованием юристами значения этого термина в смежных науках, особенно в экономике, а также прямое применение общенаучного философского понимания эффективности как эффекта, как следствия из любой причины. Категориальный аппарат теории права постоянно пополняется новыми терминами и понятиями, близкими к эффективности права и требующими уяснения в части взаимосвязи, при этом исследование правовой эффективности, которое априори должно быть максимально актуализированным, остается на теоретической основе, разработанной в 70–80-х годах прошлого века. **Цель:** уяснить место эффективности права в категориальном аппарате теории права через определение его самостоятельности и взаимосвязи с другими смежными правовыми категориями. **Методы:** в качестве основного – диалектический метод познания, позволивший рас-

© Кожокарь И. П., 2020

I. THEORY OF STATE AND LAW

Information for citation:

Kozhokar I. P. *Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava* [Efficiency of Law in the Terminological Apparatus of the Theory of Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 196–225. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225.

UDC 34-44.3

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225

**EFFICIENCY OF LAW IN THE TERMINOLOGICAL APPARATUS
OF THE THEORY OF LAW**

I. P. Kozhokar

Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 10.01.2020

Introduction: the term 'efficiency' is one of the most popular in juridical literature, it is applied to law, legislation, legal regulation, legal norms, law enforcement, functions and functioning of law, and to many other legal phenomena. However, the use of this concept in legal theory and branch-specific studies is usually not restrained by any methodological framework, which results in an impression of its uncontrolled application, when any theoretical and methodological value of this phenomenon vanishes. The fact that lawyers employ the meanings of this term from related sciences, especially economics, and the direct application of the general scientific philosophical understanding of efficiency create great difficulties for legal understanding of the concept. The terminological apparatus of the theory of law is constantly broadened with new terms and concepts that are close to efficiency of law and need to be understood in terms of the relation hereto, while the study of legal efficiency, which a priori should be as up-to-date as possible, still adheres to the theoretical basis developed in the 70-80s of the last century. **Purpose:** to clarify the place of law efficiency in the terminological apparatus of the theory of law through determining its autonomy and relationship with other related legal categories. **Method:** the dialectical method of cognition was used as the main method, which allowed us to consider the development of the legal phenomenon under study from the historical perspective, within different types of understanding of law, and in dynamics of development; there were also used general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, analogy) and specific scientific methods (historical-legal, juridical-dogmatic, legal modeling, and legal interpretation methods). **Results:** the paper demonstrates the dependence of the law efficiency concept on the types of understanding of law. The specific legal understand-

© Kozhokar I. P., 2020

смотреть разработку этого правового явления в историческом аспекте, в разных типах правопонимания и в динамике развития; общенаучные методы исследования (анализ, синтез, дедуция, индукция, сравнение, аналогия) и частнонаучные методы (историко-правовой, юридико-догматический, правового моделирования, толкования права). **Результаты:** показана зависимость понятия эффективности права от типов правопонимания. Специально-юридическое понимание эффективности права, как соответствия между фактическим и предписываемым поведением, растворяется в понятии «реализация права». Многообразие содержательно различных представлений об эффективности права и использование этого термина в различных, обычно сугубо стилистических, целях свидетельствуют об отсутствии его четкого теоретико-правового понимания. Предложено соотношение эффективности права с такими категориями, как эффект, полезность, целесообразность, результативность, оптимальность права. Доказано, что чаще всего эффективность права отождествляют с результативностью (достижением цели правовой нормы). Попытки максимально широкого понимания эффективности права привели к растворению в нем таких категорий, как сущность, содержание, цели, задачи, функции права, правовая культура, правовая психология, правосознание. Эффективность права следует рассматривать во взаимосвязи с такими новыми понятиями, как «регулирующее и фактическое правовое воздействие», «дерегулирование», «регуляторная гильотина».

Ключевые слова: эффективность права; эффективность правового регулирования; эффективность правовой нормы; результативность права; полезность права; оптимизация правового регулирования; категориальный аппарат теории права; «регуляторная гильотина»; оценка регулирующего правового воздействия; дерегулирование; оценка фактического правового воздействия

EFFICIENCY OF LAW IN THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE THEORY OF LAW

I. P. Kozhokar

Russian Academy of Sciences
10, Znamenska st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 10.01.2020

Introduction: the term 'efficiency' is one of the most popular in juridical literature, it is applied to law, legislation, legal regulation, legal norms, law enforcement, functions and functioning of law, and to many other legal phenomena. However, the use of this concept in legal theory and branch-specific studies is usually not restrained by any methodological framework, which results in an impression of its uncontrolled application, when any theoretical and methodological value of this phenomenon vanishes. The fact that lawyers employ the meanings of this term from related sciences, especially economics, and the direct application of the general scientific philosophical understanding of efficiency create great difficulties for legal understanding of the concept. The terminological apparatus of the theory of law is constantly broadened with new terms and concepts that are close to efficiency of law and need to be understood in terms of the relation hereto, while the study of legal efficiency, which a priori should be as

ing of law efficiency as a correspondence between the actual and prescribed behavior merges with the concept 'implementation of law'. The variety of ideas of law efficiency being different in their content and the use of this term for various, often purely stylistic, purposes proves the lack of a clear theoretical and legal understanding of the concept. The paper demonstrates relations between law efficiency and such categories as law effect, law profit, law expediency, law effectiveness, and law optimality. It has been proved that most often efficiency of law is identified with effectiveness of law (achievement of the goal of a legal norm). The attempts to apply the broadest possible understanding of law efficiency led to its merging with such categories as essence, content, goals, tasks, functions of law, legal culture, legal psychology, legal consciousness. Efficiency of law should be considered in conjunction with such new concepts as regulatory and actual legal impact, deregulation, 'regulatory guillotine'.

Keywords: law efficiency; legal regulation efficiency; legal norm efficiency; law effectiveness; law profitability; legal regulation optimization; terminological apparatus of the theory of law; deregulation; 'regulatory guillotine'; regulatory legal impact evaluation; actual legal impact evaluation

Information in Russian

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ТЕОРИИ ПРАВА

И. П. Кожокар

Кандидат юридических наук доцент,
старший научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2020

Введение: термин «эффективность» – один из наиболее популярных в юридической литературе, его применяют к праву, закону, правовому регулированию, правовым нормам, правоприменению, функциям и функционированию права и к множеству других правовых явлений. При этом в теоретико-правовых и отраслевых исследованиях использование этого понятия, как правило, не сдерживается какими-либо методологическими рамками, в результате чего возникает ощущение его неконтролируемого применения, при котором исчезает какая-либо теоретико-методологическая ценность этого явления. Сложности правового понимания эффективности обусловлены использованием юристами значения этого термина в смежных науках, особенно в экономике, а также прямое применение общенаучного философского понимания эффективности как эффекта, как следствия из любой причины. Категориальный аппарат теории права постоянно пополняется новыми терминами и понятиями, близкими к эффективности права и требующими уяснения в части взаимосвязи, при этом исследование правовой эффективности, которое априори должно быть максимально актуализированным, остается на теоретической основе, разработанной в 70–80-х годах прошлого века. **Цель:** уяснить место эффективности права в категориальном аппарате теории права через определение его самостоятельности и взаимосвязи с другими смежными правовыми категориями. **Методы:** в качестве основного – диалектический метод познания, позволивший рассмотреть разработку этого правового явления в историческом аспекте, в разных типах

up-to-date as possible, still adheres to the theoretical basis developed in the 70-80s of the last century. **Purpose:** to clarify the place of law efficiency in the terminological apparatus of the theory of law through determining its autonomy and relationship with other related legal categories. **Method:** the dialectical method of cognition was used as the main method, which allowed us to consider the development of the legal phenomenon under study from the historical perspective, within different types of understanding of law, and in dynamics of development; there were also used general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, analogy) and specific scientific methods (historical-legal, juridical-dogmatic, legal modeling, and legal interpretation methods). **Results:** the paper demonstrates the dependence of the law efficiency concept on the types of understanding of law. The specific legal understanding of law efficiency as a correspondence between the actual and prescribed behavior merges with the concept 'implementation of law'. The variety of ideas of law efficiency being different in their content and the use of this term for various, often purely stylistic, purposes proves the lack of a clear theoretical and legal understanding of the concept. The paper demonstrates relations between law efficiency and such categories as law effect, law profit, law expediency, law effectiveness, and law optimality. It has been proved that most often efficiency of law is identified with effectiveness of law (achievement of the goal of a legal norm). The attempts to apply the broadest possible understanding of law efficiency led to its merging with such categories as essence, content, goals, tasks, functions of law, legal culture, legal psychology, legal consciousness. Efficiency of law should be considered in conjunction with such new concepts as regulatory and actual legal impact, deregulation, 'regulatory guillotine'.

Keywords: law efficiency; legal regulation efficiency; legal norm efficiency; law effectiveness; law profitability; legal regulation optimization; terminological apparatus of the theory of law; deregulation; 'regulatory guillotine'; regulatory legal impact evaluation; actual legal impact evaluation

Введение

Аксиомой стало утверждение о необходимости эффективного права, закона, правовой нормы, правового воздействия и регулирования. Однако разнонаправленное и частое использование категории «эффективность» в научных правоведческих работах ставит вопрос о ее самостоятельности и содержании: где она находится в понятийных рядах теории права, с какими смежными категориями взаимодействует и пересекается?

Ученые-юристы неаккуратно используют и многочисленные синонимы слова «эффективность» (приводящий к нужным результатам; дающий наибольший эффект; рентабельный; результативный; производительный; продуктивный; плодотворный; действительный; успешный; полезный; выгодный; практичный) [2, с. 598], забывая, во-первых, что синонимия представляет большую опасность при разработке единой системы доктринальных и легальных правовых понятий, а во-вторых, что одинаковое толкование слов русского языка не означает ненужности их строгого разведения в специальных, частных науках. Всегда ли по-

лезный, результативный и выгодный нормативно-правовой акт является одновременно и эффективным?

Надо отметить, что термин «эффективность» довольно беспорядочно используется и в официальных документах. Так, в Решении Совета глав правительств СНГ «общественная эффективность инвестиционного проекта – оценка обоснованности выделения ресурсов на реализацию инвестиционного проекта с точки зрения его значимости для общества. При расчете показателей общественной эффективности в денежных потоках отражается стоимостная оценка последствий осуществления конкретного проекта в других отраслях народного хозяйства, в социальной и экологической сферах»¹. И в этом же документе: «Эффективность инвестиционного проекта общественная – это система показателей, учитывающих социально-экономические последствия осуществления проекта, включая внешние эффекты и общественные блага, и характеризую-

¹ О Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года: решение Совета глав правительств СНГ от 18 окт. 2011 г.

правопонимания и в динамике развития; общенаучные методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия) и частнонаучные методы (историко-правовой, юридико-догматический, правового моделирования, толкования права). **Результаты:** показана зависимость понятия эффективности права от типов правопонимания. Специально-юридическое понимание эффективности права, как соответствия между фактическим и предписываемым поведением, растворяется в понятии «реализация права». Многообразие содержательно различных представлений об эффективности права и использование этого термина в различных, обычно сугубо стилистических, целях свидетельствуют об отсутствии его четкого теоретико-правового понимания. Предложено соотношение эффективности права с такими категориями, как эффект, полезность, целесообразность, результативность, оптимальность права. Доказано, что чаще всего эффективность права отождествляют с результативностью (достижением цели правовой нормы). Попытки максимально широкого понимания эффективности права привели к растворению в нем таких категорий, как сущность, содержание, цели, задачи, функции права, правовая культура, правовая психология, правосознание. Эффективность права следует рассматривать во взаимосвязи с такими новыми понятиями, как «регулирующее и фактическое правовое воздействие», «дерегулирование», «регуляторная гильотина».

Ключевые слова: эффективность права; эффективность правового регулирования; эффективность правовой нормы; результативность права; полезность права; оптимизация правового регулирования; категориальный аппарат теории права; «регуляторная гильотина»; оценка регулирующего правового воздействия; дерегулирование; оценка фактического правового воздействия

Introduction

The idea of having efficient legislation, law, legal norm, legal impact and regulation as necessary elements of the legal system has become axiomatic. However, the diverse and frequent use of the category 'efficiency'¹ in scientific legal works raises the question of its autonomy and content: where is its place in the concept rows of the theory of law, and which related categories does it interact and overlap with?

Legal scholars are also careless in using numerous synonyms of the word 'efficiency' (the quality of bringing the desired results; giving the greatest effect; being cost-effective; productive; efficacious; fruitful; valid; successful; useful; profitable; practical) [2, p. 598], while forgetting that, firstly, synonymy is a great danger in the develop-

¹ Translator's note: The original article uses Russian term *effektivnost'*, which is normally taken to mean the ratio between the achieved result and the resources used. The term comprises several meanings, including a statement of the optimal organization of the process and a reference to the goal or result achieved. For the purpose of this article, English term *efficiency* is used both to convey the meaning of the optimality of a process or phenomenon, and to describe other meanings of this concept comprised in the content of Russian term *effektivnost'*.

ment of a unified system of doctrinal and legal concepts, and, secondly, a similar interpretation of the Russian language words does not mean that their strict differentiation is not necessary in special sciences. Is it always so that a profitable, effective and useful legal act is at the same time efficient?

It should be noted that in official documents the term 'efficiency' is also used rather confusedly. According to the Decree of the CIS Council of Heads of States, '*public efficiency of an investment project* is an assessment of reasonableness of allocating the funds for the investment project implementation from the perspective of its significance for society. In calculating the public efficiency indicators, cash flows reflect the cost assessment of the consequences of implementing a specific project in other sectors of the national economy, in the social and ecological spheres'². The same document says that '*The investment project public efficiency* is a system of indicators that take into account the socioeconomic consequences of the

² Resolution of the CIS Council of Heads of States 'On the Interstate Program of Innovative Cooperation of the CIS States for the Period up to 2020' of October 18, 2011.

щих целесообразность его осуществления для общества в целом». Трудно объяснить, чем вызвана необходимость использования в разных дефинициях двух одинаковых терминов «общественная эффективность инвестиционного проекта» и «эффективность инвестиционного проекта общественная», но из обоих определений мы видим, что эффективность – это и целесообразность, и соотношение ресурсов и значимости, и стоимостная оценка последствий, и польза в виде внешних эффектов и общественных благ. К сожалению, доктринальная ситуация с использованием категории эффективности не лучше.

Поэтому неудивительно, что проблема правовой эффективности не получила единого универсального разрешения, поскольку трудно понять, что вообще нуждается в разрешении. В современной теории права понятие эффективности права и правовых норм остается по-прежнему во многом неразработанным и дискуссионным.

При этом важно учитывать, что эффективность – это общенаучный термин, обладающий множеством междисциплинарных оттенков и аспектов. Если юристы решают использовать, например, экономическое понятие эффективности, то необходимо придерживаться его трактовки, данной в экономической науке. При этом важно обосновать возможность, допустимость и необходимость такого межотраслевого понятийного заимствования. Однако если правовая наука стремится к выработке своего собственного, самобытного понятия эффективности, то не следует использовать экономические условия и критерии для его оценки.

Общенаучное и междисциплинарное понимание эффективности

В переводе с латинского *efficientia* (*effectivus*) обозначает следствие, результат каких-либо действий. Эффективность показывает соотношение между результатом и затратами (ресурсами), которые использовались для достижения полученного результата. Эффективным признается такой результат, который по своей ценности, полезности превышает произведенные на него затраты, т. е. соотношение результата и затрат должно быть позитивным – перевес в пользу результата.

Категория эффективности получила наибольшую разработку в экономических науках, и прежде всего в менеджменте качества, управлении качеством. Согласно ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»¹, эффективность – это соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами.

В экономическом словаре под эффективностью понимают «достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов. Эффективность потребления означает распределение товаров между потребителями таким образом, что всякое иное перераспределение не может улучшить потребление кого-либо без ухудшения потребления других людей. Эффективность производства означает распределение имеющихся в наличии ресурсов между отраслями таким образом, что невозможно увеличить объем производства каких-либо товаров без сокращения объема производства других товаров» [4].

В другом экономическом словаре мы видим, что «эффективность – это относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [47, с. 404].

«Бюджетная эффективность – относительный показатель эффекта для бюджета в результате осуществления государственной функции, реализации программы, инвестиционного проекта, определяемый как отношение полученного бюджетом результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение»².

Автор экономико-математического словаря прямо признает, что эффективность не имеет общепризнанного определения, но, по его мнению, «это одна из возможных (важнейшая, но не единственная!) характеристик *качества* некоторой *системы*, в частности, – экономической: а именно, ее характеристика с точки зрения соотношения *затрат* и *результатов функционирования системы*. В зависимости от

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь // <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

project, including external effects and public good, and characterize the expediency of its implementation for society as a whole'. It is difficult to explain why it is necessary to use two identical terms with different definitions: 'public efficiency of an investment project' and 'investment project public efficiency', but from both definitions we see that efficiency encompasses expediency, ratio between resources and significance, cost assessment of consequences, and profit in the form of external effects and public good. Unfortunately, the doctrinal situation with the use of the efficiency category is no better.

Therefore, it is not surprising that the problem of law efficiency has not received a single universal solution, since it is difficult to understand even what needs to be resolved. In the modern theory of law, the concept of the efficiency of law and legal norms remains largely untapped and debatable.

At the same time, it is important to keep in mind that efficiency is a general scientific term that has many interdisciplinary shades and aspects. If lawyers decide to use, for example, the economic concept of efficiency, then it is necessary to adhere to its interpretation given in the economic science. Meanwhile, it is important to justify the possibility, acceptability and necessity of such interdisciplinary borrowing of concepts. However, if the legal science aims at developing its own, distinctive concept of efficiency, it should not use economic conditions and criteria for its assessment.

General Scientific and Interdisciplinary Understanding of Efficiency

In Latin '*efficientia*' (*effectivus*) means a consequence, a result of some action. Efficiency demonstrates the ratio between the result and the expenditures (resources) that were used to achieve it. An efficient result is considered to be that having the value and profitability exceeding the incurred expenditures, i.e. the ratio between the result and expenditures must be positive, with the result being preponderant.

The category of efficiency has been most researched in economic sciences and, first of all, in quality management, quality control. According to GOST R ISO 9000-2015 'Quality Management Systems – Fundamentals and Vocabulary'¹, efficiency is the ratio between the result achieved and the resources used.

The economic dictionary defines efficiency as 'achieving some certain results at the lowest possible cost or receiving the maximum possible output from a given amount of resources. Consumption efficiency means the distribution of goods among consumers in such a way that any other redistribution cannot improve someone's consumption without making other people's consumption worse. Production efficiency means the distribution of available resources among industry sectors in such a way that it is not possible to increase the production volume of any goods without reducing the production volume of the others' [4].

In another economic dictionary, we read that 'efficiency is a relative effect, an outcome of a process, operation, or project defined as the ratio of the effect, result, to the costs, expenses that conditioned or provided achievement of the above result' [47, p. 404].

'Budget efficiency is a relative indicator of the effect for the budget as a result of the implementation of a state function, program, investment project defined as the ratio of the result received by the budget to the costs, expenses that conditioned or ensured its achievement'².

The author of an economic and mathematical dictionary explicitly admits that efficiency does not have a widely recognized definition, but in his opinion, 'it is one of the possible (the most important but not the only!) characteristics of the *quality* of a certain *system*, and in particular, of the economic one: and namely, its characteristic in terms of the ratio of *costs* to *the results of this system's functioning*. Depending on what costs and especially

¹ GOST R ISO 9000-2015 'Quality Management Systems. Fundamentals and Vocabulary'. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>.

² Available at: <https://ru.wikipedia.org/>.

того, какие затраты и особенно – какие результаты принимаются во внимание, можно говорить об экономической, социально-экономической, социальной, экологической эффективности» [34].

На основе экономической науки аналогичные подходы к эффективности сформировались и в других отраслях, например в электроэнергетике «эффективность – результативность процесса, операции, проекта, определяемая как отношение эффекта, результата к затратам, обусловившим его получение», а также «сопоставление эффекта (результата) и затрат, вызвавших этот эффект (результат)» [27], а эффективность стрельбы «считается высокой, если цель поражается малым количеством боеприпасов с минимумом затрат времени»¹.

В гуманитарно-общественных науках, где конкретно-количественный подсчет затрат и результатов не всегда возможен, сформировался более гибкий подход к этой категории как к «способности приводить к нужным результатам, действительности»². Например, в философии эффективность – это способность причины создавать определенный эффект, а в психологии личности эффективность предстает «как баланс между «продуктом» (результатом) и «источником продукта» (ресурсом, средством, способностью)» [23, с. 374].

Из указанного межотраслевого общенаучного подхода к феномену эффективности мы видим, что он состоит, как минимум, из двух базовых категорий: результата (фактического результата) и источника (ресурсов или затрат, потраченных на полученный результат). Однако нередко учитывают и еще одну категорию для характеристики эффективности – цель, как нужный результат, к которому стремится лицо, использующее источник (ресурс).

Безусловно, право не может не учитывать это общее междисциплинарное понимание эффективности, однако краеугольной проблемой эффективности в праве является ответ на вопрос, что следует понимать под целями, результатом и затратами (ресурсами)? Ответ на этот вопрос связан с типом правопонимания, которого придерживается исследователь категории правовой эффективности.

Эффективность права и типы правопонимания

Кельзеновская позитивистская теория права, как верно отметила Н. В. Варламова, обосновывала эффективность права исключительно действительностью правовых норм: «В данном случае цель правового регулирования заключается в обеспечении определенного (желательного для государства) поведения людей и соотносится с реальным их поведением (результат) и государственно-властными ресурсами (мерами государственного принуждения), которые оказались необходимыми для приведения поведения людей в соответствие с предписаниями правовых норм» [5, с. 214]. Здесь эффективность рассматривается в достаточно простой и понятной форме: как соответствие поведения субъектов права той модели поведения, которое запрограммировало государство в правовой норме: чем больше актов правомерного поведения, требуемого правовой нормой, и меньше использованных санкций, тем эффективнее право.

Наиболее масштабные исследования эффективности права и правовых норм в нашей стране были проведены в советский период. Но несмотря на то, что в целом концепция правовой эффективности также основывалась на юридическом позитивизме, это был не кельзеновский «западный» позитивизм, а социалистический позитивизм, исходивший из марксистско-ленинского подхода о том, что «право – это возведенная в закон воля господствующего класса». Именно поэтому «эффективность правовой нормы есть не просто результат, эффект ее действия, а соотношение между этим результатом и социальной целью, положенной в основу правового предписания» [19; 38, с. 24; 55]. При этом западная теория эффективности советскими правоведом критиковалась. В связи с этим утверждалось, что обеспечение желаемого для государства поведения не является главной целью правового регулирования, «это лишь средство для достижения более глубоких социальных целей, имеющих классово-партийный, общественно значимый смысл» [38, с. 18]. При таком подходе норма может считаться эффективной, если в результате ее действия достигнута социальная цель ее введения, если не достигнута – норма квалифицируется как неэффективная.

what results are taken into account, we can talk about economic, socio-economic, social, and environmental efficiency» [34].

On the basis of economic science, similar approaches to efficiency were formed in other industry sectors, for example in the power generation sector the 'efficiency is the effectiveness of the process, operation, project, defined as the ratio of the effect, the result to the cost which conditioned its achievement' and 'comparison of the effect (result) and expenses that entailed this effect (result)' [27], and the shooting efficiency 'is considered to be high if the target is hit with a small amount of ammunition and with a minimum of time spent'¹.

In the humanities and social sciences, where specifically quantitative calculation of costs and results is not always possible, a more flexible approach to this category was developed as to the 'ability to bring about the desired results, effect'². For example, in philosophy efficiency is the ability of the cause to create a certain effect, and in personality psychology efficiency appears 'as a balance between the 'product' (result) and the 'source of the product' (resource, means, ability)' [23, p. 374].

From this interdisciplinary general scientific approach to the phenomenon of efficiency, we see that it consists of at least two basic categories: the result (actual result) and the source (resources or costs spent on the result achieved). However, in order to characterize efficiency, one more category is often taken into account – the goal as the desired result that is pursued by the person using the source (resource).

Of course, the law cannot ignore this general interdisciplinary understanding of efficiency, but the cornerstone issue of the efficiency in law is the answer to the question *What should be understood by goals, results and costs (resources)?* The answer to this question is related to the type of understanding law which the legal efficiency researcher adheres to.

Law Efficiency and Types of Understanding Law

As N. V. Varlamova was right to note, Kelsen's positivist theory of law justified the efficiency of law solely through the effect of legal norms: 'in this case, the purpose of legal regulation is in ensuring certain (desirable for the state) behavior of people, and this purpose is matched to their real behavior (result) and governmental resources (state coercion measures), which may be necessary to bring people's behavior into compliance with the legal requirements' [5, p. 214]. Here efficiency is addressed in a simple and understandable way as the compliance of the persons' behavior to the model of behavior that was enshrined in the legal norm by the state: the more acts of lawful behavior required by the law and less sanctions, the more efficient the law is.

The most extensive research on the efficiency of law and legal norms in our country was conducted during the Soviet period. Although in general the concept of law efficiency was also based on legal positivism, this was not Kelsen's 'western' positivism, but rather socialist positivism proceeding from the Marxist-Leninist approach that 'the law is the will of the ruling class presented in legislative acts'. That is why 'the efficiency of a legal norm is not just a result, the effect of its impact, but the correlation between this result and the social goal that is the basis of a legal prescription' [19; 38, p. 24; 55]. With this, the western theory of efficiency was criticized by the Soviet legal experts. In this regard, it was stated that ensuring the behavior desirable for the state is not the main goal of legal regulation, 'it is only a means of achieving deeper social goals that have a class-specific and party-specific, socially significant meaning' [38, p. 18]. Under this approach, a norm can be considered efficient if its functioning has resulted in achieving the social goal of its introduction; and if the goal has not been achieved, the norm is qualified as inefficient.

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

² URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki>

¹ Available at: <https://ru.wikipedia.org/>

² Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki>

Если при классическом юридическом позитивизме мы сравниваем фактическое поведение адресата правового предписания и закрепленный в норме права образец поведения, то в советском правоведении предлагалось при оценке эффективности соотносить не только поведение и содержание нормы права, но еще и найти цель, которую преследовал законодатель введением данной нормы, и сравнить с ней результат. При этом и советские ученые-правоведы отмечали, что поиск и уяснение такой цели – задача крайне сложная. Сомнений не было только по поводу конечной цели правового регулирования – «построения коммунизма», однако исследователи прямо писали, что использовать ее для оценки эффективности конкретных правовых норм вряд ли возможно [38, с. 83], но иные виды целей правового регулирования выделялись в большом и разнообразном количестве (ближайшие, отдаленные, непосредственные, частные и т. п.). Другая сложность, которую не отрицали и советские ученые-юристы, заключалась в том, что и процесс выявления целей правового регулирования является постоянным, при изучении проблем правовых целей будут обнаруживаться и иные цели. Очевидно, что с еще не обнаруженными наукой целями правового воздействия невозможно было соотносить действие правовых норм (результат) и делать какие-либо выводы об их эффективности или неэффективности.

Кроме того, при таком подходе из понятия эффективности исключался ее положительный, полезный эффект воздействия. Предлагалось рассматривать эффективность как понятие, включающее и нулевую эффективность, и отрицательную эффективность («когда действие нормы лишь отдаляет нас от достижения намеченной цели» либо когда цель «противоречит требованиям жизни») [38]. Другими словами, если бы было установлено, что цель правовой нормы сформулирована неправильно и в результате действия правовой нормы она была достигнута, то мы должны были сделать вывод, что такая норма эффективна, но «со знаком минус» [38] (отрицательная эффективность). В этом смысле эффективность права в большей степени совпадает с философским пониманием эффективности как достижения причиной какого-либо эффекта, который может быть очень низким, нулевым и вообще отрицательным.

Также следует заметить, что эффективность права при таком подходе основывалась на принципе «мы за цену не стоим», экономика действия правовой нормы выносилась за скобки эффективности и соотношение производилось не между затратами и результатом, а между целью и результатом.

При динамическом, деятельностном подходе к праву эффективность права связывают с эффективностью его действия и правоприменения. Так, К.В. Шундилов писал, что «процесс трансформации целей правового в конкретные результаты завершается на этапе реализации юридических предписаний, в ходе активной, целенаправленной деятельности субъектов правоотношений. Поэтому для повышения общей эффективности права требуется четкая организация процесса воплощения юридических моделей в жизнь, оптимизация правореализационного механизма» [59, с. 30]. С. Э. Либанова замечает, что «проблема эффективности права приобретает особое значение, определяя уровень продуктивности правовых норм ... в правореализующем процессе» [33, с. 71]. Отмечается также, что «эффективность права в целом определяется тем, насколько оно способно удерживать регулируемые общественные отношения в рамках своих норм» [3, с. 134; 36].

Безусловно, эффективность правовых норм мы можем оценить только в процессе их действия. Даже если, например, обязывающая правовая норма не имеет санкции и мы можем видеть этот ее юридико-технический недостаток на этапе ее принятия законодателем и формального вступления в силу и действие, то мы констатируем ее дефективность, но не эффективность (или неэффективность), так как оценка последней возможна в процессе реализации права. Именно поэтому «эффективность правоприменительной деятельности во многом является “индикатором” эффективности норм права, средством ее выражения» [24, с. 43], но не ее синонимом.

При либертарном типе правопонимания понимание права базируется на естественно-правовой концепции и представляет собой меру свободы личности [37, с. 28–30], а не «волю господствующего класса». Если в социалистическом позитивизме цель права, с которой сравнивался результат правового воздействия, должна была «отражать требования социально-

In the classical legal positivism we compare the actual behavior of the legal prescription addressee with the behavior pattern enshrined in the legal rule, whereas in Soviet jurisprudence it was proposed not only to correlate the behavior and the content of the legal norm, but also to find the goal pursued by the legislator when introducing this rule, and compare the result with it. With this, Soviet legal experts also noted that finding and understanding of this goal is an extremely difficult task. There was no doubt only about the ultimate goal of legal regulation – ‘building of communism’, but the researchers clearly wrote that it was hardly possible to use this goal for assessing the efficiency of specific legal norms [38, p. 83], while other types of legal regulation goals were specified in a large variety and number (nearest, remote, direct, private goals, etc.). Another difficulty, which was not denied by the Soviet legal experts, is that the process of identifying the goals of legal regulation is also permanent, so the study of the issues related to legal goals will reveal other goals. Obviously, it was impossible to correlate the effect of legal norms (the result) with the goals of legal impact that were not yet discovered by science and to draw any conclusions about their efficiency or inefficiency.

In addition, with such an approach, the positive, useful effect of the impact is excluded from the concept of efficiency. It was proposed to consider efficiency as a concept including both zero efficiency and negative efficiency (‘when the operation of the norm pulls us away from achieving the intended goal’ or when the goal ‘contradicts the requirements of life’) [38]. In other words, if it would have been established that the goal of the legal norm was formulated incorrectly and was achieved as a result of the legal norm operation, then we should have concluded that such a norm is also efficient, but ‘with a minus sign’ [38] (negative efficiency). In this sense, the efficiency of law largely coincides with the philosophical understanding of efficiency as the achievement of some effect by a cause, where the effect can be very low, zero, or even negative.

It should also be noted that under this approach, the efficiency of the law was based on the principle ‘whatever the cost’, and the economy of the legal norm was not accounted for as part of efficiency, so the comparison was made not between the cost and the result, but between the goal and the result.

In a dynamic activity-based approach to law, the law efficiency is associated with the efficiency of its operation and enforcement. For example, K. V. Shundikov wrote that ‘the process of the legal goals transformation into specific results is completed at the stage of the legal regulations implementation, during active, purposeful activity of the legal relations parties.

Therefore, what is required for increasing the overall efficiency of the law is well-organized implementation of legal models and optimization of the law realization mechanism’ [59, p. 30].

S. E. Libanova points out that ‘the issue of the law efficiency becomes particularly important, since it determines the level of the legal norms efficiency... in the law implementation process’ [33, p. 71]. It is also noted that ‘the efficiency of law as a whole is determined by the extent to which the law is able to keep the regulated social relations within the bounds of its norms’ [3, p. 134; 36].

Of course, we can only assess the efficiency of legal norms in the process of their operation. Even if, for example, a binding legal norm does not contain a sanction, and this legal technical drawback can be seen at the stage of its adoption by the legislator and its formal entry into force and effect, we diagnose its deficiency, but not its efficiency (or inefficiency), since the assessment of the latter can be made in the law implementation process. That is why the ‘efficiency of the law enforcement activity is in many respects an ‘indicator’ of the efficiency of law, the means of its manifestation’ [24, p. 43], but not a synonym for it.

The libertarian type of understanding law suggests that the understanding of law is based on a natural legal concept and is a measure of the individual freedom [37, p. 28–30], but not ‘the will of the ruling class’. While in socialist positivism, the goal of law, which the result of legal impact was compared with, was supposed to ‘reflect the re-

экономических и политических закономерностей социализма», то в либертарной теории права цель права заключается в обеспечении максимально возможной в обществе свободы личности. Очевидно, что такой парадигмальный сдвиг в правовопонимании потребовал и соответствующего изменения концепции правовой эффективности.

В. В. Лапаева обращает внимание на то, что при оценке эффективности правового регулирования необходимо учитывать достижение им прежде всего правовых целей, а именно обеспечения и защиты прав и свобод человека [32, с. 38]. Сторонником этого подхода является и Н. В. Варламова, которая пишет: «Если целью правового регулирования признается обеспечение свободы в социальной жизни, то ресурсом, за счет которого она может быть достигнута, является ограничение свободы, а результат образует гарантируемая мера свободы... Эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает максимальные гарантии прав и свобод при минимальном их ограничении» [5, с. 217]. По мнению этого автора, правовое регулирование эффективно, если обеспечиваются «максимальные гарантии максимальной меры свободы», а это достижимо, если ограничение свобод человека преследовало какую-либо легитимную цель, являлось необходимым в демократическом обществе и было соразмерно преследуемой цели [5, с. 220–221]. Нарушение этих условий-требований эффективности будет свидетельствовать не только о неэффективности правового регулирования, но и об утрате нормативным регулированием *правового* качества.

Этот подход не является исключительно отечественной правовой традицией. Так, Р. Д. Кутер полагает, что при оценке эффективности права юриспруденция дает информацию о нормативных ресурсах, а экономика показывает, как максимизировать их ценность; при этом главной юридической ценностью должна быть свобода, поэтому цель справедливого общества и права состоит в максимальном увеличении объема базовой свободы, которой все пользуются в равной степени [66].

В современных исследованиях предлагается и более широкий подход к пониманию эффективности права. Так, С. А. Жинкин считает, что изучение эффективности права и законода-

тельства должно базироваться на методологическом плюрализме и многообразии типов правовопонимания. Он исходит из того, что право – понятие многомерное, многоаспектное и разные уровни, аспекты и грани права требуют разных подходов к оценке эффективности [13]. Высказано также мнение о том, что «в теоретико-методологическом плане “плюралистический” подход к проблеме эффективности права связан с широким философско-антропологическим подходом, согласно которому эффективность права представляет собой нахождение и осуществление правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного как для отдельного человека, так и для общества в целом способа существования личности» [39, с. 9].

Действительно, правовое воздействие создает результат в различных сферах: политической, экономической, психологической, социальной, духовно-культурной и др. Безусловно, формы, показатели и методики измерения эффективности права в этих областях будут различны.

Так, в качестве показателей психологической эффективности права выделяют: «созидательность социальных процессов, гуманизм общества, снижение уровня неконструктивной конфликтности, соблюдение и реализация общечеловеческих принципов существования, предоставление возможностей для самореализации личности в данном обществе в соответствующем культурно-историческом контексте» [14, с. 31]. В связи с этим правовая норма может быть эффективной в каком-либо аспекте и неэффективной – в другом. Например, нормативно-правовое повышение пенсионного возраста в России с политико-экономических позиций считается эффективным, а в социально-психологической сфере вызвало крайнюю негативную реакцию и вряд ли могло быть признано эффективным, особенно в части таких показателей, как обеспечение гуманизма и снижение конфликтности в обществе. Или другой пример: «норма права, приносящая значительный экономический эффект для развития бизнеса (например, существенно снижающая налоги), может дать обществу в целом обратный эффект (например, дефицит бюджета и сокращение социальных программ)» [60, с. 180].

Сложность с плюрализмом правовопонимания при изучении эффективности права заклю-

quirements of socio-economic and political regularities of socialism’, in the libertarian theory of law the goal of law is to ensure the maximum possible freedom of the individual in society. Obviously, such a shift in the paradigm of law understanding required a corresponding change in the concept of legal efficiency.

V. V. Lapayeva emphasizes that when assessing the legal regulation efficiency it is necessary to take into account, first of all, the achievement of legal goals, namely, ensuring and protecting human rights and freedoms [32, p. 38]. One more supporter of this approach is N. V. Varlamova who writes: ‘If the legal regulation goal is recognized in ensuring freedom in social life, then the resource by which it can be achieved is the restriction of freedom, and the result is ensured by a guaranteed measure of freedom’... The legal regulation can be viewed as efficient if it provides for maximum guarantees of rights and freedoms with minimal restrictions’ [5, p. 217]. This author’s opinion is that legal regulation is efficient if the ‘maximum guarantees of the maximum measure of freedom’ are provided, and this is achievable if the restriction of human freedoms pursued a legitimate goal, was a necessity in a democratic society, and was adequate to the pursued goal [5, pp. 220–221]. If these conditions-requirements of efficiency are violated, this would mean not only the legal regulation inefficiency but also the loss of *legal* quality of the normative regulation.

This approach is not exclusively a Russian legal tradition. For example, R. D. Cooter believes that when evaluating the efficiency of law, jurisprudence provides information about regulatory resources, and economics shows how to maximize these resources value; with this, the main legal value should be freedom, so the goal of a just society and law is to maximize the volume of basic freedom that everyone enjoys equally [66].

Modern researches also propose a broader approach to understanding the efficiency of law. In particular, S. A. Zhinkin is sure that the study of the efficiency of law and legislation should be based on methodological pluralism and diversity of

types of law understanding. He proceeds from the idea that law is a multi-faceted and multiple-aspect concept, and different levels, aspects and facets of law require different approaches to evaluating efficiency [13]. There is also expressed an opinion that ‘in theoretical and methodological terms, the ‘pluralistic’ approach to the problem of the law efficiency is associated with a broad philosophical and anthropological approach, according to which the efficiency of law is when the law finds and implements a reasonable, safe mode of a personality existence, which is psychologically comfortable for both the individual and the whole society’ [39, p. 9].

Indeed, legal impact creates results in various spheres: political, economic, psychological, social, spiritual and cultural, etc. Of course, the forms, indicators and methods of measuring the law efficiency will be different for each of the above spheres.

Thus, the indicators of the psychological efficiency of law are distinguished as follows: ‘constructiveness of social processes, humanism of the society, reduction of the level of non-constructive conflicts, compliance and implementation of universal principles of existence, providing opportunities for self-realization of the individual in the given society in the appropriate cultural and historical environment’ [14, p. 31]. In this regard, a legal norm may be efficient in one aspect and inefficient in another. For example, the legal normative increase of the retirement age in Russia is considered efficient from the political and economic point of view, but in the social and psychological sphere it caused an extremely negative reaction and could hardly be considered efficient, especially with regard to such indicators as ensuring humanism and reducing conflicts in society. Or another example: ‘a legal norm that has a significant economic effect on business development (for example, the one notably reducing taxes) can have the opposite effect on the society as a whole (for example, by resulting in budget deficit and reduction of social programs)’ [60, p. 180].

The difficulty with pluralism of law understanding in the process of studying the law efficiency is in choosing the aspect of legal regulation

чается в выборе того аспекта правового регулирования, который следует считать в каждом конкретном случае приоритетным, чтобы ответить на конкретный вопрос: эффективна ли, например, правовая норма о повышении пенсионного возраста в нашей стране или нет? Другими словами, есть ли единый синтетический показатель эффективности правового регулирования?

С. А. Жинкин полагает, что «психологическое признание норм права является важнейшим фактором их эффективности. Никакое формальное качество норм, их обеспеченность материальными и организационными ресурсами не сделают нормы объективного права эффективными, если они не соответствуют основополагающим психическим установкам, правовым идеалам и ожиданиям людей» [12, с. 75]. Н. В. Варламова, напротив, считает, что «понимание права как меры свободы вообще снимает указанные проблемы. Мера свободы как раз и выступает таким синтетическим показателем, через который выражаются и цели, и результаты правового регулирования, и ресурсы, за счет которых они достигаются» [5, с. 218].

Методологический плюрализм в изучении эффективности права также связывают с выполнением правом различных функций и, как следствие, различных производимых при этом эффектов. Так, в специальной отраслевой литературе обосновывается, что административные санкции выполняют частнопредупредительные, общепредупредительные и воспитательные функции, при реализации которых получают три самостоятельных результата. При этом, например, эффективность частнопредупредительного воздействия определяется через показатели рецидива, совершения проступков в период и после отбывания наказания, а у других функциональных эффектов правового воздействия иные показатели эффективности и оценки [48, с. 270]. С. А. Жинкин предлагал выделять в соответствии с функциями права регулятивную, охранительную, воспитательную и ценностную эффективность права [16, с. 20].

Таким образом, плюралистический подход к изучению эффективности права показывает необходимость самостоятельного исследования различных политических, юридических, эконо-

мических, социальных, психологических, духовно-культурных слоев правовой эффективности. Поскольку понимание эффективности права как «соразмерности экономических затрат и правового результата», как «соотношения социальной цели и правового результата» и как «способности обеспечивать позитивную, гуманную, нравственную, интеллектуальную и физическую самореализацию индивидов и их объединений» [12, с. 75] – это понимание трех совершенно разных явлений.

В связи с этим был поставлен вопрос о различных аспектах (уровнях, видах, слоях) эффективности права. В юридической науке обращалось внимание на необходимость дифференциации юридической (специально-юридической) и социальной эффективности, которая в каком-то смысле «примирила» советский и западный позитивистский подходы к эффективности права. Соответствие желаемого результата и фактического результата действия правовой нормы, соблюдение и использование правил поведения, закрепленных в правовой норме, называлось юридической эффективностью, а соответствие фактического поведения адресатов правовой нормы социальной цели, преследуемой законодателем, – социальной эффективностью [62, с. 48–49].

В научной литературе приводится наглядный пример, иллюстрирующий соотношение этих двух подходов к оценке эффективности правового воздействия: «промышленное предприятие без соответствующего разрешения сбросило отходы производства в реку. В результате был причинен ущерб окружающей среде (ухудшилось качество воды), государству (пришлось проводить спасательные мероприятия), имуществу (на водоем отравился скот) и здоровью граждан, купавшихся в реке. Безусловно, существуют нормы права, запрещающие такое поведение, но каковы последствия их применения, какова их эффективность?»

В результате применения правовых норм: предприятие оплатило ущерб, рассчиталось с государством, компенсировало стоимость погибшего скота и затраты на лечение граждан, кроме того, уволило сотрудника, который допустил сброс, и объявило выговор главному инженеру. Эффективно ли «сработало» право в данном случае? Какой результат хотели получить, принимая соответствующие нормы?

that should be in each case taken as the one with the highest priority when answering the given question: for example, is the legal norm on raising the retirement age in our country efficient or not? In other words, is there a single synthetic indicator of the efficiency of legal regulation?

S. A. Zhinkin is sure that 'psychological acceptance of legal norms is the most important factor for their efficiency. Neither formal quality of norms nor material and organizational resources behind them can make legal norms efficient if they do not comply with mental attitudes, legal ideals and expectations of people' [12, p. 75]. N. V. Varlamova, on the contrary, believes that 'understanding of the law as a measure of freedom totally removes these problems. The measure of freedom is just that synthetic indicator which expresses the goals and results of legal regulation, and the resources with which they are achieved' [5, p. 218].

Methodological pluralism in studying the efficiency of law is also associated with the performance of various functions by the law, and consequently, with various effects achieved through this process. For example, in specialized legal literature, it is justified that administrative sanctions perform specific preventive, general preventive, and educational functions, which when implemented give three separate results. With this, for example, the efficiency of the specific preventive function is determined through indicators of recidivism, i.e. committing offenses during and after serving the sentence, and the effects of other functions have other indicators of efficiency and evaluations [48, p. 270]. S. A. Zhinkin proposed to distinguish regulatory, protective, educational and value-based efficiency of law, in accordance with the functions of law [16, p. 20].

Thus, the pluralistic approach to the study of the efficiency of law shows the need for separate research of various political, legal, economic, social, psychological, spiritual and cultural layers of legal efficiency. Since the understanding of the law efficiency as 'the balance of economic expendi-

tures and legal results', as 'the ratio between the social goal and the legal results' and as 'the ability to provide for a positive, humane, moral, intellectual and physical self-realization of individuals and their associations' [12, p. 75] is the understanding of three completely different phenomena.

In this regard, the question was raised about various aspects (degrees, types, layers) of the law efficiency. In legal science, attention was drawn to the importance of differentiating between the legal (specific legal) and the social efficiency, which in a sense 'reconciled' Soviet and Western positivist approaches to law efficiency. The compliance of the desired result with the actual result of legal regulations, observation and use of the rules of conduct prescribed by law was called legal efficiency, and the compliance of the actual conduct of the legal norm addressees with the social goal pursued by the legislator was called the social efficiency [62, p. 48–49].

Scientific literature gives a clear example illustrating the relationship between these two approaches to assessing the efficiency of legal impact: 'An industrial company dumped its production waste into the river without a required permit. As a result, damage was caused to the environment (water quality degraded), to the state (it had to carry out rescue operations), to the property (cattle was poisoned at the watering point) and to the health of citizens who bathed in the river. It goes without saying that there exist legal norms that prohibit such conduct, but what are the consequences of their enforcement and what is their efficiency?'

As a result of the legal norms enforcement: the company paid for the damage, settled accounts with the state, compensated for the cost of the dead cattle and the cost of treatment of citizens, and additionally dismissed the employee who allowed for the dumping, and reprimanded the chief engineer. Did the law 'operate' efficiently in this case? What result was expected from adopting the relevant norms?

Желаемый результат в этом случае один – чистая вода (земля, лес, воздух и т. д.). Но именно этот результат и не гарантирован, поскольку компенсация вреда не дает оснований надеяться на то, что в ближайшее время река будет очищена. Кроме того, нет гарантий, что подобное не повторится впредь (несмотря на то, что предприятие достаточно экономически пострадало!), поскольку предприятию может быть экономически выгоднее оплачивать ущерб, чем строить безопасные очистные сооружения» [60, с. 181].

Таким образом, мы видим, что адресат соответствующих правовых норм полностью исполнил все предписания, т. е. норма юридически эффективна, но поскольку ее «внеюрисдикционная» цель не достигнута, то она социально неэффективна.

В современной юридической литературе предлагается помимо специально-юридической эффективности выделять также политическую, социальную, психологическую, воспитательную эффективность права [45].

Здесь возникает важный вопрос о понятии и содержании специально-юридической эффективности права.

Существует ли специально-юридическая эффективность права?

Если под юридической эффективностью права понимать соответствие фактического поведения адресатов правовых норм желаемому поведению, закрепленному в этих нормах, и степень соблюдения, исполнения и использования соответственно запрещающих, обязывающих и управомочивающих правовых норм, то чем тогда юридическая эффективность права отличается от непосредственных форм реализации права (соблюдение, исполнение и использование правовых предписаний)? А если, например, правовое предписание не соблюдается большинством адресатов, то мы должны констатировать низкую эффективность правовой нормы или низкую степень (уровень) ее реализации? Правовая норма неэффективна или в силу каких-то причин не реализуется?

Субъекты права могут активно использовать или исполнять дефектную правовую норму, которая позволяет им получить на «законном» основании какую-либо выгоду или льго-

ту, к примеру налоговую. И мы можем констатировать, что такая норма полностью реализуется, адресаты в едином порыве ее используют или исполняют, перед нами полное совпадение (соответствие) фактического поведения и нормативно закрепленной модели, но очевидно, что для оценки действия такой нормы нам недостаточно категории «степень реализации права», поскольку степень реализации права в таких случаях, как правило, наивысшая. Применять здесь такое понятие эффективности, как соотношение между фактическим результатом и потраченными ресурсами (затратами), тоже бессмысленно. Возможно, было затрачено минимальное количество ресурсов для достижения полученного результата.

Поэтому если вводить в понятийный аппарат теории права категорию эффективности, то ее следует искать за границами соответствия поведения субъектов общественных отношений (фактического результата) поведенческому образцу, закрепленному в правовой норме (желаемому результату). Но где вести такой поиск?

Чаще всего в юридической литературе эффективность права предлагается искать в соотношении фактического поведения с целью, поставленной законодателем: «Эффективность законодательства состоит в качестве его установлений и соответствии результата его реализации тем целям, которые преследовал законодатель (правотворческий орган вообще)» [22, с. 31].

Однако общеизвестно (и история нашего государства и права это, к сожалению, многократно подтверждала), что законодатель может ставить ошибочно или умышленно неправомерные, социально вредные, антигуманные и прямо преступные цели. Насколько эффективно право в этом случае, при условии соблюдения адресатами законодательных установлений?

По этому поводу С. И. Пунченко замечает, что «в современных условиях, когда задачи правового регулирования не сводятся к достижению заданных непонятным образом целей, а направлены на выражение и согласование социальных интересов, способствующих нормальному, гармоничному и свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом изменены и положения концепции эффективности права» [46, с. 16]. Он также критикует целевой подход к

In this case, the desired result is the only one i.e. clean water (land, forest, air, etc.). But this particular result is not guaranteed, since the compensation for damage does not give reason to hope that the river will be cleaned in the near future. In addition, there is no guarantee that this will not happen again (despite the fact that the company has economically suffered enough!), because it may be more cost-effective for the company to pay for the damage than to build safe treatment facilities' [60, p. 181].

Thus, we see that the addressee of the relevant legal norms has fully fulfilled all the requirements, i.e. the norm is legally efficient, but since its 'non-legal' goal has not been achieved, it is socially inefficient.

In modern legal literature, in addition to specific legal efficiency, it is also proposed to distinguish political, social, psychological and educational efficiency of law [45].

This raises an important question about the concept and content of specific legal efficiency of law.

Does the Specific Legal Efficiency of Law Exist?

If the legal efficiency of law is understood as the conformity of the actual behavior of the legal norms addressees with the desired behavior established in these norms, as well as the degree of compliance, performance and use of the respective prohibiting, binding and enabling legal norms, then what is the difference between the law efficiency and the forms of law implementation (compliance, execution and use of legal prescriptions)? In this case, if, for example, the legal prescription is not observed by the majority of addressees, shall we diagnose low efficiency of the legal norm or the low degree (level) of its implementation? Is the legal norm inefficient or is it not implemented for some reason?

The right holders can actively use or follow a defective legal norm that allows them to 'legitimately' receive a benefit or privilege, for example, a tax preference. Here we can conclude

that such a norm is fully implemented, the addressees use or execute it, and we see a full coincidence (compliance) of the actual behavior with the normatively prescribed model, but it is obvious that the category of the 'degree of law implementation' is not enough for us to assess the effect of such a norm, since the degree of law implementation in such cases is usually the highest. In this case, it is also senseless to apply such a concept of efficiency as the ratio between the actual result and the resources (costs). The minimum amount of resources may have been spent to achieve the result.

Therefore, if we introduce the category of efficiency into the terminological apparatus of the theory of law, it should be sought for outside the compliance of the behavior of the participants in social relations (the actual result) to the behavioral pattern fixed in the legal norm (the desired result). But where shall we conduct such a search?

In legal literature it is most often proposed to seek for law efficiency in the correlation between the actual behavior and the purpose set by the legislator: 'The efficiency of legislation is in the quality of its provisions and in compliance of its implementation to those objectives pursued by the legislator (law-making body in general)' [22, p. 31].

However, it is well known (and the history of our state and law, unfortunately, has repeatedly confirmed this) that a legislator can set illegal, socially harmful, inhumane and explicitly criminal goals wrongly or intentionally. How efficient is the law in this case, provided that the addressees do observe the legal provisions?

In this regard, S. I. Puchenko notes that 'in modern conditions, when the tasks of legal regulation are not confined to achieving goals set in an incomprehensible way, but are associated with expressing and coordinating social interests that contribute to the normal, harmonious and free development of social relations, the provisions of the law efficiency concept should be accordingly changed' [46, p. 16]. He also criticizes the goal-based approach to efficiency of legal norms and

эффективности правовых норм и предлагает для оценки социальной эффективности права учитывать такие критерии, как: обеспечение посредством права адекватных и полезных форм коллективного поведения; создание правом условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов; обеспечение правом условий для гармоничного сосуществования социальных, в том числе этнических, групп; гармонизацию государственно-правового регулирования и общественного саморегулирования; успешную реализацию посредством права основополагающих социальных ценностей; удовлетворение посредством норм права потребностей и интересов членов общества; достижение посредством права минимального уровня неконструктивной социальной конфликтности при сохранении конкурентной социальной среды [46, с. 41].

Есть и иные взгляды на социальную эффективность права. Так, С. В. Ибрагимова пишет, что «право является социально эффективным, когда оно: отражает существующее состояние общества и способствует прогрессивному его развитию; создает условия для реализации основополагающих устремлений человека к свободе, счастью, раскрытию его способностей, справедливости, постижению истины; достигает социально значимые цели; соответствует правовым ожиданиям граждан; способствует развитию правосознания и правовой культуры, становлению и развитию у граждан положительных правовых чувств, признанию ими верховенства права» [18, с. 231].

Авторы монографии «Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства» пишут, что «все жизненно важные задачи, которые ставит перед собой государство, не могут осуществляться независимо от развития иных сторон общественного бытия и общественного сознания. Уголовное право своими целями, содержанием и формами своего осуществления взаимосвязано со всей структурой общественных отношений. Поэтому эффективность уголовного законодательства достигается в случае, если оно специфическим способом воплощает прогрессивный характер, демократизм, гуманизм и исторически высшую справедливость общества» [29].

В. В. Лапаева полагает, что критерием социальной эффективности права является его

способность упорядочить социальные конфликты: «Мера удовлетворения правовых интересов участников регулируемых отношений характеризуется показателем конфликтности, который является одним из показателей эффективности законодательной нормы. Оптимальная степень конфликтности ситуации означает, что существующее правовое регулирование обеспечивает необходимую и достаточную меру свободы в реализации правомерных интересов субъектов социального общения. В противном случае мы имеем дело либо со слишком жесткой законодательной политикой, ущемляющей свободу людей в общественных отношениях, либо с недостаточной правовой урегулированностью, ведущей к хаосу и произволу со стороны участников данных отношений. И в том и в другом случаях законодательство, не выполняющее свою роль по упорядочиванию социальных конфликтов и закреплению нормативно-правовой модели их разрешения, является неэффективным» [32, с. 36–37].

В советском праве обосновывалось следующее соотношение юридической и социальной эффективности: «Социальная эффективность правового регулирования представляет собой возможность достижения с помощью права социально полезных результатов, объективным критерием которых является их соответствие потребностям прогрессивного развития общества. Юридическая эффективность характеризуется результативностью самого механизма правового регулирования, способностью права осуществлять цели, поставленные законодателем. Такая эффективность предполагает полезные результаты с точки зрения государственной политики господствующего класса. Эффективность социальная с юридической не всегда совпадает, как не всегда совпадают интересы господствующего класса и общества в целом» [25, с. 8].

Однако, чтобы развести социальные цели правового регулирования с целями, которые задал законодатель, нам необходимо их соотнести, определив, насколько цели законодателя корреспондируют указанным социальным целям, и ответив на вопрос: преследовал ли законодатель общественно-полезную цель? Например, С. И. Пунченко обоснованно задается вопросом, который так, к сожалению, и остался в его работе без ответа: «Перенос акцента на

proposes to consider the following criteria for evaluating the social efficiency of law: ensuring adequate and useful forms of collective behavior through law; creation of conditions for social self-realization and social adaptation of individuals by law; providing conditions by law for harmonious coexistence of social groups, including ethnic ones; harmonization of state and legal regulation and public self-regulation; successful implementation of fundamental social values by law; satisfaction by law of needs and interests of society members; achieving a minimum level of non-constructive social conflict through law while maintaining a competitive social environment [46, p. 41].

There are also other views on the social efficiency of law. In particular, S. V. Ibragimova writes that the 'law is socially efficient when it: reflects the current status of the society and contributes to its progressive development; creates conditions for the realization of the fundamental aspirations of man to freedom, happiness, developing of his abilities, justice, establishing the truth; achieves socially important goals; meets the legal expectations of citizens; promotes the development of legal awareness and legal culture, formation and development of the citizens legal positive feelings, their recognition of the supremacy of law' [18, p. 231].

The authors of the monograph *Criminalization and Decriminalization as Forms of Criminal Legislation Transformation* write that 'all the vital tasks set by the state for itself, cannot be implemented independently from the development of other aspects of social being and public consciousness. The criminal law is interconnected with the entire structure of social relations, by its goals, content and forms of implementation. Therefore, the efficiency of criminal legislation is achieved when it specifically embodies progressive character, democracy, humanism and historically highest justice of society' [29].

V. V. Lapaeva believes that the criterion of social efficiency of law is its ability to regulate

social conflicts: 'The degree of satisfaction of the legal interests of participants in the regulated relations is characterized by the conflict index, which is one of the indicators of the efficiency of the legislative norm. An optimal conflict intensity of a situation means that the existing legal regulation provides for a necessary and sufficient measure of freedom in realization of legitimate interests of the participant in social communication. Otherwise, we deal either with too strict legislative policies that infringe people's freedom in social relations, or with an insufficient legal regulation that leads to chaos and arbitrariness on the part of these relations participants. In both cases, legislation that does not perform its role in regulating social conflicts and fixing the regulatory model for their resolution is inefficient' [32, pp. 36–37].

In the Soviet law, the following correlation of legal and social efficiency was justified: 'The social efficiency of legal regulation is the possibility of achieving socially useful results with the help of law, when the objective criterion of reaching the results is their compliance with the needs of progressive development of society. Legal efficiency is characterized by the efficiency of the mechanism of legal regulation, the ability of the law to implement the goals set by the legislator. This efficiency suggests the results which are useful from the point of view of the state policy of the ruling class. Social efficiency does not always coincide with legal efficiency since the interests of the ruling class and society as a whole do not always coincide' [25, p. 8].

However, in order to separate the social goals of legal regulation from the goals set by the legislator, we need to compare them and determine how much the goals of the legislator correspond to the above social goals and answer the question about whether the legislator pursued a socially useful goal. For example, S. I. Punchenko reasonably poses a question which unfortunately has remained unanswered in his work: 'Focusing on assessing the purpose of a legal norm allows to evaluate the

оценку цели правовой нормы позволяет оценивать норму в первую очередь с точки зрения ее полезности, а не эффективности. В таком случае возникает вопрос: следует ли вообще исследовать и оценивать правовую норму с позиции ее эффективности, когда цель этой нормы (а следовательно, и сама норма) социально вредная?» [46, с. 40].

Если цель законодателя совпадает, например, с «созданием условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов», то, видимо, нет никаких препятствий для соотнесения правовой нормы с такой целью правотворческого органа. Но надо обратить внимание, что здесь оценивается не фактическое поведение и поставленная цель, а поставленная общественно-полезная цель и норма права.

Выше уже упоминалось, что другие исследователи предлагают, к примеру, заменить достижение цели как критерия эффективности правовой нормы на такие показатели, как укрепление правовых начал жизни общества, признание прав и свобод высшей ценностью, обеспечение максимальных гарантий прав и свобод при минимальном их ограничении.

Как видим, за понятием эффективности права скрывается множество разнородных и разноаспектных явлений, **в частности** под ним предлагается понимать соответствие (соотношение) между:

- фактическим поведением субъектов права и требованиями правовых норм;
- фактическим поведением субъектов права и целью законодателя;
- фактическим поведением субъектов права и достижением полезного результата (в различных сферах);
- фактическим поведением субъектов права и затратами на его достижение;
- фактическим поведением субъектов права и объективными (отличными от целей законодателя или несовпадающими с ними) социальными, правовыми, политическими, экономическими, психологическими и другими целями;
- целью законодателя и правовой нормой;
- целью законодателя, фактическим поведением субъектов права и затратами;
- целью законодателя и затратами для ее достижения;

– объективными (отличными от целей законодателя или несовпадающими с ними) социальными, правовыми, политическими, экономическими, психологическими и другими целями и правовыми нормами.

Соотношение эффективности со смежными теоретическими категориями

Методологический плюрализм не должен быть синонимичным методологическому хаосу и беспорядку. И главная методологическая задача в исследовании эффективности права заключается не только в том, чтобы понять, что с чем соотносить, а прежде всего в том, чтобы определить условия заимствования терминов и понятий из других наук.

М. П. Власов описывает эту проблему применительно к экономической науке: «Согласно библейской легенде, бог, разгневанный дерзостью людей, которые пытались построить Вавилонскую башню и достичь небес, заставил их говорить на разных языках. После этого люди перестали понимать друг друга, и башня, конечно, осталась недостроенной. Современные ученые, вероятно, тоже чем-то прогневили бога. И в наказание за это даже специалисты в одной области очень часто говорят на “разных” языках, используя различные термины для обозначения одних и тех же понятий и категорий. А в одни и те же понятия и категории вкладывают разное содержание. Однако однозначное определение терминов крайне необходимо для понимания любой проблемы...» [7, с. 2].

В одной из последних крупных юридических научных работ по рассматриваемой проблематике члены авторского коллектива вкладывают разные смыслы в понятие эффективности права и закона [20].

Юристы охотно используют термины и понятия из других наук (особенно из экономики), не всегда глубоко разбираясь в их специально-отраслевом значении и не учитывая разнообразные подходы к той или иной категории и в других науках. К сожалению, проблематика эффективности права сильно пострадала от такого заимствования и, пока ученые-юристы не договорятся о единообразном понятийном аппарате эффективности, в изучении эффективности права мы не сможем продвинуться дальше. При этом понимание эффективности в эко-

norm primarily in terms of its profit, not its efficiency. In this case, the question arises: should a legal norm be examined and evaluated from the point of view of its efficiency, when the purpose of this norm (and therefore the norm itself) is socially harmful?» [46, p. 40].

If the goal of the legislator coincides, for example, with ‘creating conditions for social self-realization and social adaptation of individuals’, then apparently, there are no obstacles for correlating the legal norm with such a goal of the law-making body. But it should be noted that what is evaluated here is not the actual behavior and the set goal, but the socially useful goal and the legal norm.

It has already been mentioned above that other researchers suggest, for example, replacing the goal achievement as the efficiency criterion for legal norms with such indicators as strengthening the legal fundamentals of the society, recognizing rights and freedoms as the highest value, ensuring maximum guarantees of rights and freedoms with minimal restrictions.

As we can see, there are many heterogeneous and diverse phenomena behind the law efficiency concept. **More specifically**, it is proposed to understand law efficiency as the ratio between the following:

- the actual behavior of the right holders and the legal norms requirements;
- the actual behavior of the right holders and the goal of the legislator;
- the actual behavior of the right holders and the achievement of a useful result (in various spheres);
- the actual behavior of the right holders and the cost of achieving it;
- the actual behavior of the right holders and objective (those different from the legislator’s goals or non-complying with them) social, legal, political, economic, psychological and other goals;
- the goal of the legislator and the legal norm;
- the goal of the legislator, the actual behavior of the right holders and the costs;
- the goal of the legislator and the costs of achieving it;

– objective (those different from the legislator’s goals or non-complying with them) social, legal, political, economic, psychological and other goals and the legal norms.

Correlation between Efficiency and Related Theoretical Categories

Methodological pluralism should not descend into methodological chaos and disorder. And the main methodological task in the study of law efficiency is not only understanding what should be correlated to what, but, first of all, determining the conditions for borrowing terms and concepts from other sciences.

M. P. Vlasov describes this problem in relation to the economic science: ‘According to the biblical legend, God, angered by the audacity of people who tried to build the Tower of Babel and reach heaven, made them speak different languages. After that, people could not understand each other, and the Tower, of course, remained unfinished. Modern scientists have probably also angered God for some reason. And as a punishment, even experts in the same field often speak ‘different’ languages, using different terms to refer to the same concepts and categories. And they fill the same concepts and categories with different content. However, a clear definition of terms is essential for understanding any problem...’ [7, p. 2].

In one of the last major legal research works on the topic under consideration, the authors see different content in the concepts of the efficiency of law and the efficiency of legislation [20].

Lawyers willingly use terms and concepts from other sciences (especially economics), while not always having a profound understanding of their branch-specific meaning and not taking into account various approaches to this or that category in other sciences. Unfortunately, the issue of law efficiency has suffered greatly from such borrowing, and until legal scholars agree on a uniform terminological apparatus for efficiency, we will not be able to move any further in the study of law efficiency. At the same time the understanding of effi-

номике и в праве в зарубежной доктрине различается [67, pp. 978–996; 74, pp. 471–482].

Эффективность – это, прежде всего, экономический, финансовый термин и он объясняет соотношение затрат и полученного результата; она может быть либо положительной, либо нулевой, именно поэтому не существует отрицательной эффективности. В правовых научных публикациях, в том числе зарубежных, используется категория «эффективная защита *такого-то* права», часто авторы приходят к выводу, что защита права по каким-то причинам оказывается ущербной, негарантированной, неэффективной [21, с. 12–16; 63, с. 85–97; 77, pp. 365–383]. Однако что такое неэффективная защита? Это защита отсутствующая: если пишут, что закон определенных субъектов неэффективно защищает, то, по сути, закон их не защищает. Так, Европейский Суд по правам человека отметил, что «он неоднократно устанавливал нарушения статей 3 и 13 Конвенции в связи с неадекватными условиями содержания в изоляторах Российской Федерации, ненадлежащими условиями перевозки между следственными изоляторами и зданиями суда и отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты по подобным жалобам»¹. Именно поэтому нет отрицательной эффективности, есть ее отсутствие (если понимать эффективность как достижение желаемого, действенность).

Эффективность подсчитывается путем деления полученного результата на затраты (использованные ресурсы для получения данного результата). Само понятие эффективности не призвано объяснять достижение каких-либо целей или желаемых результатов. Допустим, инвестор получил доход – 150 000 руб. (результат); произвел затрат на инвестиционный проект – 100 000 руб. (затраты). После соотнесения затрат и результата констатируется положительная эффективность (50 000 руб.), но его цель могла быть иной – получение 30 000 руб. или 300 000 руб. дохода.

Когда используют термин «отрицательная эффективность», то нередко смешивают значения понятий «эффективность» и «эффект».

Эффект правового регулирования, действия права или правовой нормы – это фактический результат, он может быть как положительным (улучшилась ситуация), так и отрицательным (ухудшилась ситуация). Эффект измеряется путем сравнения исходного и настоящего состояния. Например, совершалось 200 правонарушений, ввели новую правовую норму, стало совершаться в два раза меньше правонарушений (100 – положительный эффект) или стало совершаться в два раза больше правонарушений (400 – отрицательный эффект). Если констатируется совершение по-прежнему 200 правонарушений (ситуация не изменилась), то эффекта нет вообще.

Иногда положительный эффект от чего-либо приравнивают к его эффективности. Так, в законе «Об обращении лекарственных средств» под эффективностью лекарственного препарата понимается «характеристика степени *положительного* влияния лекарственного препарата на течение, продолжительность заболевания или его предотвращение, реабилитацию, на сохранение, предотвращение или прерывание беременности»².

Но в вышеприведенных примерах с уменьшением количества правонарушений и с положительным влиянием на течение болезни мы ничего не можем сказать о соотношении такого результата и потраченных затратах (ресурсах), т. е. об эффективности.

Именно поэтому точнее говорить о положительном влиянии чего-либо как о положительном эффекте, а не об эффективности. В психологическом словаре, к примеру, указывается, что «эффективность лекарственного препарата можно определить, сравнив поведение пациента до и после приема» [44, с. 348], но если пациенту после приема лекарства стало хуже, то мы имеем дело с отрицательным эффектом (хуже, чем было изначально), а не с какой-то степенью эффективности.

При этом «хорошие, положительные последствия, благо, выгода» – это не что иное, как польза [40, с. 558].

¹ Дело «Уразов (Urazov) против Российской Федерации» (жалоба № 42147/05); постановление ЕСПЧ от 14.06.2016 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4(40).

² Об обращении лекарственных средств (ст. 4): Федер. закон Рос. Федерации от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1815.

ciency in economy and in law is different in the foreign doctrine [67, pp. 978–996; 74, pp. 471–482].

Efficiency is primarily an economic, financial term and it explains the ratio between the costs and the result obtained, it can be either positive or zero. This is why there is no negative efficiency. In legal scientific publications, including the foreign ones, the category of the 'efficient protection of a *particular* right' is used; the authors often come to the conclusion that for some reason the protection of right turns out to be defective, non-guaranteed, inefficient [21, pp. 12–16; 63, pp. 85–97; 77, pp. 365–383]. However, what is inefficient protection? This is the protection which is absent: if they write that the law does not efficiently protect certain subjects, then, in fact, the law does not protect them. For example, the European Court of Human Rights noted that 'it has repeatedly found violations of Articles 3 and 13 of the Convention related to inadequate conditions of confinement in the detention facilities of the Russian Federation, inadequate conditions of transportation between detention facilities and court buildings, and the lack of an efficient domestic legal remedy for such complaints'¹. That is why there is no negative efficiency, there is the absence of it (if we understand efficiency as achieving the desired result, efficacy).

Efficiency is calculated by dividing the result obtained by the costs (the resources used for getting this result). The very concept of efficiency is not intended to explain the achievement of any goals or desired results. Let us say that the investor received an income of 150,000 rubles (result); made expenditures on the investment project of 100,000 rubles (costs). After comparing the costs and results, a positive effectiveness is obtained (50,000 rubles), but its goal could have been different – to get 30,000 rubles or 300,000 rubles of income, for example.

¹ The ECHR Judgment in the case 'Urazov v Russia' of June 14, 2016 (Application No. 42147/05). *Precedents of the European Court of Human Rights*. 2017. No. 4(40).

When the term 'negative efficiency' is used, the meaning of 'efficiency' and 'effect' is often confused. The effect of legal regulation, operation of the law or legal norm is an actual result, it can be either positive (the situation has improved) or negative (the situation has worsened). The effect is measured by comparing the original and current status. For example, 200 offenses were committed, then as a new legal norm was introduced, the number of the offenses reduced by half (100 – the positive effect), or the number of the offenses increased twice (400 – negative effect). If the number of the offenses remains 200 (the situation has not changed), there is no effect at all.

Sometimes the positive effect of something is equated with its efficiency. For example, Law 'On Drug Circulation' defines efficiency as 'the characteristic of the degree of the *positive impact* of the drug on the course, duration or prevention of the disease, on rehabilitation, and on preservation, prevention or termination of pregnancy'².

However, from the above examples it follows that with the reduced number of offenses and with the positive impact on the course of disease, we cannot say anything about the ratio between this result and the spent costs (resources), i.e. efficiency.

For this reason, it would be more accurate to speak about the positive impact of something as a positive effect, rather than about efficiency. The psychological dictionary, for example, says that 'the drug efficiency can be determined by comparing the patient's behavior before and after taking it'[44, p. 348], but if the patient gets worse after taking the drug, we deal with a negative effect (worse than it was initially), and not with any degree of efficiency.

At the same time, 'good, positive consequences, betterment, benefit' is nothing but profit [40, p. 558].

² On Drug Circulation (Art. 4): Federal Law of the Russian Federation No. 61-FZ of April 12, 2010 (as amended on 26.07.2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2010. No. 16. Art. 1815.

В философии «польза» – это «ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их соотносительности с интересами субъекта (индивидуального или коллективного). Наряду с пользой целерациональное мышление использует и др. ценностные понятия, а именно: “успех” – достижение результатов, близких к запрограммированным в качестве цели, “эффективность” – достижение результатов с наименьшими затратами. Так что в более широком смысле нечто признается полезным, если: а) отвечает чьим-то интересам, б) обеспечивает достижение поставленных целей (способствует успешности действий), причем в) с наименьшими затратами (способствует эффективности действий)» [56, с. 663].

Таким образом, польза в узком смысле – и положительный эффект от действия или процесса фактически совпадают. При этом мы видим, что и в общенаучном смысле разграничиваются понятия пользы (положительного эффекта), поставленной цели (желаемого результата) и эффективности.

Оценка достижения поставленной цели связана с другой категорией – результативностью. В нормативном регулировании менеджмента качества есть определения результативности и эффективности: результативность (effectiveness) – степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, эффективность (efficiency) – связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами¹.

Ю. А. Тихомиров по этому поводу заметил следующее: «Действенное регулирование – это регулирование, которое обеспечивает достижение поставленных политических задач. А эффективным регулирование является в том случае, если достижение этих задач обеспечивается при минимально возможных для всех членов общества издержках. Вид и объем регулирования, который экономика страны в состоянии принять, а органы государственного управления – эффективно воплотить в жизнь, имеют свои пределы. Регулирование не только обеспечивает какие-то выгоды, но и сопряжено с определенными издержками» [54, с. 5].

¹ ГОСТ ISO 9000-2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: введен в действие приказом Росстандарта от 22 дек. 2011 г. № 1574-ст. (п. 3.2.14 и 3.2.15).

Деятельность считается результативной (действенной), если поставленная цель достигнута, причем могут быть различные степени результативности (в процентном отношении к максимально-желаемому результату). Однако, чтобы быть эффективным, необходимо затратить минимально возможные ресурсы. Допустим, желаемая цель – убить муху, сидящую на стене: если мы выстрелим по ней из пушки, то наше действие будет на 100 % результативным (цель полностью достигнута), но оно будет неэффективным (мы задействовали чрезмерные ресурсы для достижения поставленной цели). Или если два сотрудника по сбору показаний электрических счетчиков обошли каждый по 100 квартир, но один – за 2 рабочих дня, а второй – за 3 рабочих дня, то результативность у них обоих одинаковая, а эффективность (с точки зрения затраченного рабочего времени для получения результата) – очевидно, разная: «...результативность дает возможность четко установить главные и второстепенные цели..., а эффективность характеризует взаимосвязь между затраченными ресурсами и достигнутыми результатами» [28, с. 75–88].

Эффективность права в системе других характеристик правового воздействия

Все вышеуказанные общенаучные и междисциплинарные категории для предотвращения теоретического и методологического смешения должны быть разведены и в понятийном аппарате теории права.

Так, возможна постановка вопроса о существовании *эффектов* права, правового регулирования, правовых норм в различных сферах (политической, экономической, социологической, психологической и др.), причем такой эффект, правовое влияние может быть как положительным, так и отрицательным. При этом сравнивается состояние до и после правового регулирования.

Например, С. И. Пунченко пишет: «Отрицательная социальная эффективность может выражаться в росте социального насилия и социальной конфликтности, увеличении напряжения в отношениях между социальными, в т. ч. этническими группами. Отрицательная эффективность может проявляться и в сниже-

In philosophy, profit is ‘a value-based concept that reflects the positive meaning of objects and phenomena in their correlation with the interests of the subject (an individual or a collective one). Along with the profit, the goal-oriented thinking uses other value-based concepts, and namely: ‘success’ – achievement of the results close to the programmed goal, and ‘efficiency’ – achieving the results at the lowest cost. So, in a broader sense, something is considered to be profitable if: a) it meets someone’s interests, b) it ensures the achievement of goals (contributes to the success of actions), and also c) at the lowest cost (contributes to the efficiency of actions)’ [56, p. 663].

Thus, profit in a narrow sense and the positive effect of an action or process actually coincide. With this we see that in the general scientific sense, the concepts of profit (positive effect), set goal (desired result) and efficiency are differentiated.

The assessment of set goal achievement is related to another category – effectiveness. The normative regulation of the quality management contains definitions of effectiveness and efficiency: effectiveness is the degree of implementation of planned activities and achievement of planned results, and efficiency is the ratio between the achieved result and the resources used¹.

In this regard, Y. A. Tikhomirov noted the following: ‘Effective regulation is the regulation which provides for the achievement of the set political goals. And the regulation will be efficient if these goals are achieved at the lowest possible cost for all members of society. The type and scope of the regulation that a country’s economy is able to accept and that government agencies can efficiently implement, have got their limits. The regulation not only brings some benefits, but also involves certain costs’ [54, p. 5].

¹ GOST ISO 9000-2011. Interstate Standard. Quality Management Systems. Fundamentals and Vocabulary: put into effect by the Order of the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology No. 1574-st. of December 22, 2011 (Items 3.2.14 and 3.2.15).

An activity is considered to be effective if the goal is achieved, and there can be different degrees of effectiveness (as a percentage of the maximum desired result). However, for recognizing the activity as efficient, it is necessary to spend the minimum possible resources. Let us say the desired goal is to kill a fly sitting on the wall: if we shoot it with a gun, our action will be 100% effective (the goal is fully achieved), but it will be inefficient (we used excessive resources to achieve the goal). Or if each of two employees who check the electric meter readings, visited 100 apartments, but one of them did it in 2 workdays, and the second one in 3 workdays, then the effectiveness of both of them is the same, and the efficiency (in terms of the time spent to get the result) is obviously different: ‘...effectiveness makes it possible to clearly define the main and secondary goals... and efficiency describes the ratio between the resources spent and the results achieved’ [28, pp. 75–88].

Law Efficiency in the System of Other Characteristics of Legal Impact

All the above-mentioned general scientific and interdisciplinary categories should be separated in the terminological apparatus of the theory of law in order to prevent theoretical and methodological confusion.

For example, it is possible to raise the question about the existence of the *effects* of law, legal regulation, legal norms in various spheres (political, economic, sociological, psychological, etc.). These effects, legal impact can be either positive or negative, with the status before and the status after legal regulation being compared.

For example, S. I. Puchenko writes: ‘Negative social efficiency can be expressed in increase of social violence and social conflict, increase in tension in relations between social groups including ethnic groups. Negative efficiency can

нии показателей экономического развития общества, уменьшении социальной мобильности и солидарности, уменьшении количества общественных объединений и социально значимых общих мероприятий. Представляется, что отрицательная социальная эффективность законодательства может вытекать из его социальной неадекватности, его несоответствия социальной структуре общества, его развитию, социальным потребностям. Отрицательная социальная эффективность, на мой взгляд, является результатом прежде всего устаревшего, нерационального либо несправедливого правового регулирования общественных отношений» [46, с. 63].

Здесь речь идет об отрицательном эффекте правового воздействия. Можно ли в такой плоскости поставить вопрос об отрицательной эффективности? Если эффективность понимать в максимально широком смысле как способность производить эффект (любое следствие из причины), то в таком случае если эффект отрицательный, то и эффективность будет отрицательной. Но проблема юридической доктрины, на наш взгляд, в том, что она пытается необоснованно совместить слово «эффективность» в таком общеупотребляемом смысле, как «любое последствие действия или процесса», и специально-экономический термин «соотношение результата и ресурсов».

Констатация негативного эффекта действия правовой нормы дает основание для ее изменения, отмены или признания утратившей силу. Так, согласно подходу Министерства экономического развития РФ, «регуляторная гильотина» – инструмент масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, *негативно влияющих* на общий бизнес-климат и регуляторную среду¹.

При констатации положительного эффекта от правового регулирования может быть использован термин *полезности* права, правового регулирования, правовой нормы (социально-полезное, экономико-полезное, политико-полезное и др.) как положительное влияние на общество в целом, на отдельных индивидуумов, на общественные отношения.

Для ответа на вопрос, достигнута ли правовым регулированием какая-либо цель, наиболее обоснованным будет использование категории *результативности* права, правового регулирования, правовой нормы. При изучении результативности права могут быть исследованы только вопросы целедостижения. Однако сложность с подсчетом результативности связана с тем, что, во-первых, нередко трудно понять цель принятия правовой нормы, во-вторых, даже если цель сформулирована, оценка результативности далеко не всегда оказывается простой задачей. Например, в пункте 1 статьи 1 закона «Об инвестиционном товариществе» указано, что «целью настоящего Федерального закона является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и реализации инвестиционных проектов на основании договора инвестиционного товарищества»². Эти договоры подлежат обязательному нотариальному депонированию. За весь период действия указанного закона (за 9 лет) был заключен 61 договор инвестиционного товарищества (6 из них к настоящему времени уже расторгнуты) [17, с. 651–671]. Можно ли при таких показателях констатировать, что созданы правовые условия для привлечения инвестиций в экономику нашей страны, т. е. что цель закона достигнута (полностью или частично)? Какова результативность этого закона?

В уголовно-правовой литературе обсуждается вопрос о результативности новой редакции статьи 145.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и др. Цель этой правовой нормы – защита конституционного права граждан на получение соответствующих выплат. Обосновывается, что, согласно новой редакции, уголовная ответственность наступает «за частичную невыплату свыше уже не двух, а трех месяцев», в субъективной стороне появился новый признак – «корыстная или иная личная заинтересованность» работодателя, преступление переведено из категории тяжких в категорию средней тяжести, «уголовная ответственность установлена только при фиксирован-

² Об инвестиционном товариществе: Федер. закон от 28 нояб. 2011 г. № 335-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7013.

be manifested in decrease of the economic development indicators, in degradation of social mobility and solidarity, in reduction of the number of public associations and socially significant public events. It seems that the negative social efficiency of legislation may result from its social inadequacy, its inconsistency with the social structure of society, its development, and social needs. In my opinion, negative social efficiency is primarily the result of outdated, irrational or unfair legal regulation of public relations' [46, p. 63].

Here we are talking about the negative effect of legal impact. Can we speak about negative efficiency in this regard? If efficiency is understood, in the broadest possible sense, as the ability to produce an effect (any consequence from a cause), then with the effect being negative the efficiency will also be negative. However, the problem with legal doctrine, in our opinion, is that it tries to unreasonably combine word 'efficiency' in its commonly used sense of 'any consequence of an action or a process', with the specific economic term 'the ratio of the result and the resources'.

Diagnosing a negative effect of a legal norm impact gives grounds for its modification, cancellation or invalidation. For example, according to the approach of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, the 'regulatory guillotine' is a tool for the large-scale revision and cancellation of regulatory acts that *negatively affect* the overall business climate and regulatory environment¹.

When stating the positive effect of legal regulation, one can use term *profitability* of law, legal regulation, legal norms (socially profitable, economically profitable, politically profitable, etc.) to indicate their positive impact on society in general, on individuals, on social relations.

To answer the question about whether any goal has been achieved via legal regulation, it would be most reasonable to use the category of *effectiveness* of law, legal regulation, or a legal norm. When studying the law effectiveness, only the issues of goal achievement can be investigated. However, it is difficult to calculate effectiveness since firstly, it is often not easy to understand the goal of adopting a legal norm, and secondly, even if the goal is formulated, evaluation of effectiveness does not always appear a simple task. For example, Item 1 of Article 1 of Law 'On Investment Partnerships' runs that 'the purpose of this Federal Law is to develop legal conditions for raising investments in the Russian Federation economy and for implementing investment projects on the basis of the investment partnership agreement'². These agreements are subject to mandatory notarial depositing. During the entire period of this law operation (9 years), 61 investment partnership agreements were concluded (6 of them have been terminated by now) [17, pp. 651–671]. With such indicators, can we say that legal conditions have been created to raise investment in our country's economy, i.e. that the goal of the law has been achieved (partially or in full)? What is the effectiveness of this law?

In the criminal law literature, there is a variety of opinions on the effectiveness of the amended Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation which establishes liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances, and other social benefits. The purpose of this legal norm is to protect the constitutional right of citizens to receive the relevant payments. It is explained that, according to this new revision, criminal liability is now incurred for partial non-payment during more than not two, as it used to be,

² On Investment Partnerships: Federal Law of the Russian Federation No. 335-FZ of November 28, 2011 (as amended on 21.07.2014). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2011. No. 49. Part 1. Art. 7013.

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie_

ной неуплате, т. е. в размере менее половины суммы, подлежащей выплате. Можно сколько угодно долго выплачивать зарплату либо осуществлять социальные платежи в размере, например, 51 % от причитающейся суммы и не подлежать при этом уголовной ответственности. И экономически, и юридически работодателю выгоднее «хронически недоплачивать», выдавая ежемесячно, начиная до истечения второго месяца просрочки, сумму, равную одному МРОТ» [43]. Таким образом, мы видим, что степень результативности, а именно степень достижения цели – защиты права на соответствующие выплаты – после внесенных изменений снизилась, поскольку права работников, которые не получают зарплату менее трех месяцев, или получают в размере 51 %, или получают по одному МРОТ, оказались незащищенными.

Однако при этом ученые-криминологи отмечают, что и при старой редакции статьи 145.1 УК РФ «статистика фиксировала стабильный рост числа преступлений, квалифицируемых по ст. 145.1 УК. Так, если в 1999 г. (первый год применения ст. 145.1 УК) в России было зарегистрировано только 44 преступления, то уже к 2004 г. их число достигло 1724, а в 2009 г. превысило 2000 преступлений. Однако судебная перспектива этих дел была невелика. В среднем только около 30% от всех дел направлялись в суд, а обвинительные приговоры выносились лишь в 14 % случаев». Таким образом, результативность статьи 145.1 УК РФ была невысока (в плане защиты прав трудящихся) и до внесения в нее соответствующих изменений в 2010 г.

Очевидно, что чаще всего эффективность отождествляют именно с результативностью. Но здесь важно различать оттенки значения слов «эффективность» и «эффективный». Если эффективный – это позволяющий достигнуть желаемого результата, действенный, то эффективность – это показатель соотношения результата и ресурсов. Например, Г. А. Гаджиев описывает конституционно-правовые принципы – правовой определенности, стабильности гражданского оборота, справедливого судебного разбирательства, эффективной правовой защиты [8, с. 63–71]. С учетом этого эффективное право (приводящее к желаемому результату (цели)) совпадает с результативностью права. Однако в юридической литературе мы видим

постоянное смешение «эффективного» и «эффективности», поэтому, на наш взгляд, их необходимо терминологически развести.

Такое совпадение понятий есть и в зарубежных научных источниках. Так, автор статьи о неэффективности законов, защищающих права женщин Эфиопии, пишет: «Нарушения прав женщин продолжают сохраняться; виновные остаются безнаказанными или наказываются штрафами или несколькими годами тюремного заключения за грубые нарушения прав женщин. В частности, ситуация с бытовым насилием, включая насилие со стороны интимных партнеров, как справедливо отмечают некоторые ученые, выходит за рамки ожиданий XXI века» [68, р. 43].

Другой пример. Предлагается закрепить в уголовном праве принцип смешанной вины, поскольку он будет способствовать повышению эффективности закона, предоставляя жертвам стимул принимать меры предосторожности против преступности, т. е. достигать основной цели – снижения преступности и преступлений против личности [71, pp. 1181–1229].

Результативность права во многом определяется качеством нормативно-правового материала. Чем меньше содержательных и технико-юридических дефектов в нормах права, тем будет выше их способность достигать запланированного результата. Например, А. А. Вишнеvский указывает на такой нормативно-правовой дефект, как правовая неопределенность статьи 431.2 ГК РФ, устанавливающей правила о заверениях об обстоятельствах. В частности, автор пишет, что содержание статьи не позволяет понять, «за предоставление каких именно недостоверных заверений может возникнуть ответственность – любых, имеющих значение для договора, или только тех, на которые другая сторона полагалась?». В этом смысле текст статьи непоследователен, «поскольку требуется четкое определение, какие именно оказавшиеся недостоверными сведения можно рассматривать в качестве основания для требования о возмещении убытков» [6, с. 181]. Кроме того, в статье сформулирован чрезвычайно широкий круг обстоятельств, относительно которых могут быть сделаны любые заверения, что приводит к широким возможностям злоупотребления правом на иск о взыскании убытков «на основании якобы недостоверных заверений об об-

but three months, the subjective aspect gets a new characteristic – ‘mercenary or other personal interest’ of the employer, the crime is transferred from the category of grave crimes to the category of medium gravity, ‘criminal liability is established only for a fixed non-payment, i.e. for non-payment of less than a half of the amount payable. One can pay wages for any length of time or make social payments in the amount of, for example, 51 % of the amount due and not be subject to criminal liability. Both economically and legally it is more profitable for the employer to ‘chronically underpay’ by paying an amount equal to one minimum wage each month before the end of the second month of delay’ [43]. Thus, we see that the degree of effectiveness, namely the degree of achieving the goal (which is in the protection of right for receiving relevant payments) reduced after the introduction of changes, since the rights of the employees who do not receive a salary for less than three months, or receive 51 %, or receive one minimum wage, turned to be unprotected.

However, criminologists note that even with the previous version of Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the statistics recorded a stable increase in the number of crimes qualified as per Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, in 1999 (the first year of Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation being applied) there were only 44 crimes registered in Russia, but by 2004 their number reached 1,724, and in 2009 exceeded 2000. However, only about 30 % of all cases were sent to court, and guilty verdicts were rendered only in 14 % of cases’. Thus, the effectiveness of Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation had been low (with regard to the employees’ rights protection) even before the corresponding changes were introduced to it in 2010.

It is obvious that efficiency is most often equated with effectiveness. But here it is important to feel the shades of meanings of the words ‘efficiency’ and ‘efficient’. *Efficient* is allowing for achieving the desired result, effect, while *efficiency* is an indicator showing the ratio between the results and the resources. For example, G. A. Gadzhiev describes the following constitutional and legal principles: legal certainty, stability of civil turnover, fair trial, efficient legal protection [8, pp. 63–71]. With this in mind, efficient law (the

law leading to the desired result (goal) coincides with the law effectiveness. However, in the legal literature we see a constant confusion of ‘efficient’ with ‘efficiency’, so in our opinion, they need to be separated terminologically.

Such a coincidence of concepts is also found in foreign scientific sources. In particular, the author of the article about inefficiency of law covering women rights protection in Ethiopia writes: ‘Abuses of women rights continued to persist; perpetrators remained unpunished or punished with fines or quiet few years of imprisonment for gross violations of women’s rights. Particularly, the situation of domestic violence including intimate partner violence, as some scholars rightly put it, is beyond the expectation of the 21st century’ [68, p. 43].

Another example. It is proposed to establish the principle of mixed guilt in criminal law, since it will help to increase the efficiency of law by providing victims with a stimulus to take precautions against crime, i.e. to achieve the main goal, which is bringing down the rate of crime against the person [71, pp. 1181–1229].

The effectiveness of law is largely determined by the quality of regulatory material. The fewer substantive and technical-legal defects are contained in the rules of law, the higher the ability of these rules to achieve the planned result is. For example, A. A. Vishnevskiy points to the normative legal defect of legal uncertainty in Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which sets the rules of assurances of circumstances. In particular, the author writes that the content of the article does not allow us to understand, ‘the provision of which particular false assurances can imply liability – any of those that are relevant to the contract or only the ones that the other party relied on? In this sense, the text of the article is inconsistent, ‘there is necessary a clear specification of false information that can be viewed as the grounds for claiming the compensation of damage’ [6, p. 181]. In addition, the article provides an extremely wide range of circumstances for which any assurances can be given, which lead to wide possibilities for abusing the right to claim for damages ‘on the basis of allegedly unreliable assurances of

стоятельствах» [6, с. 182]. Вследствие этого цель данной нормы – «восстановление нарушенного гражданско-правового интереса в ситуации, когда возникает договор не о том, о чем стороны (или одна из сторон) договаривались» – оказывается недостигнутой.

На результативность права оказывают влияние и другие факторы, в частности деятельность правоприменительных и правоохранительных органов. Верно замечено, что «не обеспеченный правоохранительными возможностями уголовно-правовой запрет может пополнить ряды “мертвых уголовно-правовых норм”» [42, с. 13]. Большое влияние на достижение желаемых результатов правового воздействия оказывает и уровень правосознания, правовой культуры и правовой психологии адресатов правовых норм.

Важно отметить, что эффективность права и его действенность (результативность) различают и в зарубежных правовых системах [69, pp. 5–66; 73, pp. 237–253; 76, pp. 371–393].

Вопрос о результативности правового регулирования – это всегда вопрос о причинах и факторах низкой результативности, низкого уровня достижения цели (дефекты правовых норм, проблемы правоприменения и др.), но при этом также важно понять, правильно ли поставлена цель правового воздействия.

Проблематику целеполагания (кто, зачем и как ставит цели и чему они должны соответствовать) следует исследовать в рамках такого феномена, как *целесообразность* правового регулирования. Ю. А. Тихомиров справедливо заметил, что «целеполагание – исходный пункт, своего рода старт правового регулирования, ... с которым связано и предвидение результатов правового воздействия на общественные отношения» [53, с. 4].

Однако, на наш взгляд, в большинстве случаев законодатель не дает себе труда указать ту реальную общественную цель, которую преследует предлагаемая к принятию или вводимая в действие норма права.

Например, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым, в частности, устанавливается новый состав преступления (ст. 264.2. «Внесение в единую автоматизиро-

ванную информационную систему технического осмотра транспортных средств заведомо недостоверных сведений»), указано, что цель этого закона – усиление ответственности всех участников процедуры технического осмотра транспортных средств¹. При такой формулировке цели очень трудно оценить результативность или эффективность правового воздействия. Ведь при введении нового состава правонарушения или ужесточении санкций за действующий состав правонарушения мы всегда можем отметить, что цель достигнута (ответственность усилена). Вероятно, цель такой нормы связана с обеспечением безопасности дорожного движения, снижением аварий и дорожных происшествий, связанных с некачественным техническим осмотром транспортных средств. Только в таком случае можно оценивать целесообразность принятия указанного закона.

В другом законопроекте, вводящем штраф для организаций, осуществляющих образовательную деятельность, за нарушение обязательств по трудоустройству выпускника, который обучался по целевому обучению, а заказчиком такого обучения выступала образовательная организация, цель регулирования законодатель сформулировал так: «устранение пробела правового регулирования отношений, возникающих при нарушении обязательств организации, осуществляющей образовательную деятельность и являющейся заказчиком целевого обучения, по трудоустройству гражданина, принятого на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов»². Фактически после вступления данного закона в силу цель уже будет достигнута: правовой пробел (юридико-технический дефект) устранен. Вот только снизится ли количество нетрудоустроенных выпускников, обучающихся по целевому набору?

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.08.2017). URL: <http://regulation.gov.ru>.

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 71.1 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» (подготовлен Минобрнауки России, ID проекта 02/04/08-19/00093757) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 05.08.2019). Там же.

circumstances’ [6, p. 182]. As a result, the goal of this article, which is the ‘restoration the infringed civil interest in a situation where the contract is not about what the parties (or one of the parties) have agreed on’, is not achieved.

The effectiveness of law is also influenced by other factors, in particular, the activities of law enforcement bodies. As it was aptly noted, ‘a criminal law prohibition that is not secured by law enforcement capabilities can join the ranks of ‘*dead criminal law norms*’ [42, p. 13]. The degree of legal awareness, legal culture and legal psychology of the legal norms addressees also has a great influence on achieving the desired results of legal impact.

It is important to note that efficiency and effectiveness of law are also distinguished in foreign legal systems [69, pp. 5–66; 73, pp. 237–253; 76, pp. 371–393].

The question of the legal regulation effectiveness is always the question of the reasons and factors for low effectiveness and low degree of the goal achievement (defects in legal norms, problems of law enforcement, etc.), but it is also important to understand whether the legal impact goal is correctly set.

The aspects of goal setting (who, why, and how sets goals and what they should correspond to) should be studied within the framework of such a phenomenon as the legal regulation *expediency*. Y. A. Tikhomirov was right to note that the ‘goal-setting is the initial point, a kind of the start for legal regulation, ... which is also associated with forecasting the results of legal impact on social relations’ [53, p. 4].

However, in our opinion, in most cases, the legislator does not bother with indicating the real public goal pursued by the proposed or adopted legal norm.

For example, the explanatory note to draft Federal Law ‘On Introducing Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation’, which, among other things, establishes a new element of offense (Article 264.2. ‘Recording of

Knowingly False Information into the Unified Automated System for Technical Inspection of Vehicles), states that the purpose of this law is to strengthen the liability of all participants of the vehicle technical inspection procedure¹. With this definition of the goal, it is very difficult to assess the effectiveness or efficiency of legal impact. After all, when a new element of offense is introduced or the sanctions for the existing elements of offense are tightened, we can always note that the goal has been achieved (liability has been strengthened). Probably, the goal of such a rule is associated with ensuring road traffic safety, reducing road traffic incidents and accidents caused by poor-quality technical inspection of vehicles. Only in this case we can assess the expediency of adopting this law.

In another draft law which introduces fines imposed on the educational organization for breaking the obligations to employ a special-admission graduate who was educated pursuant to the request of the educational organization, the legislator has formulated the goal of the regulation as follows: ‘filling the gap in the legal regulation of relations arising from the breach of the obligation to employ the citizen imposed on the educational organization which requested for the citizen’s special admission and training in compliance with the higher education programs with financing from the federal budget, the budgets of the Russian Federation constituent entities, the local budgets’². In fact, when this law comes into force, the goal will already be achieved: the legal gap (legal and technical defect) will be eliminated; but will the number of unemployed special-admission graduates reduce?

¹ Draft Federal Law ‘On Introducing Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation’ (prepared by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation) (has not been introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text presented as of 23.08.2017). Available at: <http://regulation.gov.ru>.

² Draft Federal Law ‘On Introducing Amendments to Article 71.1 of Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’ (prepared by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Draft ID 02/04/08-19/00093757) (has not been introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text presented as of 05.08.2019). Ibid.

На наш взгляд, в пояснительных записках к законопроектам и при проведении оценки регулирующего воздействия необходимо указывать не только конкретно-юридическую, но и социальную цель правовых норм.

При этом перед правовым регулированием или правовой нормой может быть поставлено несколько целей (желаемых результатов), например: и снижение социальной конфликтности, и повышение экономической производительности труда, и обеспечение максимальной меры свободы при минимальном ее ограничении.

Эффективность же права, правового регулирования и правовой нормы должна, прежде всего, показывать соотношение полученного правового результата и ресурсов на его получение, причем ресурсов не только финансово-материальных, но и организационных, управленческих, технических, технологических, технико-юридических и др. Например, предприниматели-рестораторы жалуются на излишние правовые ресурсы, направленные на защиту прав потребителей: «Вот список только журналов, которые должны быть на кухне, чтобы потребитель был в безопасности: журнал гнойничковых заболеваний, учета бактерицидных ламп, замены фритюрного масла, бракеражный – в нем нужно отмечать все проверенные блюда и ставить им оценки! Заполнять все журналы нужно ежедневно!» [52]¹. Допустим, что эти нормативные правовые требования результативны – права потребителей защищены, однако такой фактический результат мог бы быть получен и при использовании намного меньших ресурсов (в том числе заполненных журналов). Таким образом, мы можем констатировать, что эти правовые нормы хоть и результативны, но для достижения таких результатов затрачены излишние правовые средства.

Для примирения понимания эффективности права как соотношения между целью и результатом и как соотношения между результатом и затратами предлагается использовать понятие эффективности в статическом смысле (достижение целей, совпадает с результативностью) и в динамическом смысле (совпадает с затратностью) [57, с. 47]. Но в науке есть и иной подход.

¹ Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холода и инструкция по борьбе с мухами // Комсомольская правда. 2020. 19–26 февр.

Баланс между результативностью и эффективностью называют *оптимальностью* как достижение максимального результата при затратах минимальных ресурсов. В одних источниках оптимальность называют одним из условий эффективности правовых норм (наряду с экономичностью) [30, с. 31]. В других – эффективность права нередко отождествляют с его оптимальностью. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что в русском языке слово «оптимальный» является одним из синонимов слова «эффективный» (он же – «оптимальный; позволяющий достигнуть желаемого результата с минимальными затратами, наименьшими нежелательными эффектами»²).

А. С. Пашков, Л. С. Явич писали об эффективности права как о закреплении в норме права оптимального варианта поведения [41, с. 41]. Подчеркнем, что Н. В. Варламова полагает, что «эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает максимальные гарантии права и свобод при минимальном их ограничении» [5, с. 217]. Но проблема максимального результата при использовании минимальных ресурсов – это уже вопрос не столько эффективности, сколько оптимальности. Оптимальность связана со степенями эффективности и призвана снизить использование ресурсов так, чтобы это не повлияло на снижение результатов, поскольку бесконтрольное снижение затрат может привести к выхолащиванию самого результата. Оптимальное правовое регулирование – это наилучший баланс между затратами и достигнутым результатом.

Следует также заметить, что эффективность права предлагается понимать «как соотношение результативности и оптимальности, т. е. эффективным право будет в случае достижения оптимального результата, который равен цели, поставленной перед ним» [31, с. 155]. Однако оптимальный результат – это не идеальная цель (желаемый эффект), а наилучший результат относительно поставленных целей при данных условиях. И при достижении конечной цели для того, чтобы квалифицировать правовое регулирование как эффективное, необходимо оценить затраты: возможно, что издержки на получение достигнутого результата

² URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/эффективный>.

In our opinion, in explanatory notes to draft laws and when assessing the regulatory impact, it is necessary to indicate not only the specific legal goal but also the social goal of legal norms.

At the same time, a legal regulation or a legal norm may have several goals (desired results), such as reducing social conflicts, increasing economic labor productivity, and ensuring the maximum measure of freedom with minimal restrictions.

While the *efficiency* of law, legal regulation and legal norms should, first of all, show the ratio of the legal result obtained and the resources spent for obtaining it, wherein the resources are not only financial and material, but also organizational, managerial, technical, technological, technical-legal, etc. For example, restaurant keepers complain about excessive legal resources aimed at protecting consumer rights: 'Here is just a list of registers that have to be in the kitchen for keeping the consumer safe: a register of pustular diseases, a register of bactericidal lamps, a register of changing the frying oil, a quality control register which should contain the information on all the checked dishes and their ratings! Each register records must be made every day!' [52]¹. Let us assume that these regulatory requirements are effective, the consumers' rights are protected, but this actual result could have been achieved with much fewer resources (including the filled in registers). Thus, we can conclude that although these legal norms are effective, but excessive legal resources have been spent to achieve such results.

For compromising the understanding of law efficiency as the ratio between the purpose and the result and the understanding of law efficiency as the ratio between the results and the costs, it is proposed to use the concept of efficiency in a static sense (as the achievement of goals, coincides with effectiveness) and in a dynamic sense (coincides

¹ Soviet laws that survived to 2020: Bachelor tax and instruction on fighting the flies. *Komsomolskaya Pravda*. 2020. February 19–26.

with costs) [57, p. 47]. However, science can also offer a different approach.

The balance between effectiveness and efficiency is called *optimality*, which is achieving the maximum result with minimal resources. In some of the sources, optimality is called one of the conditions of legal norms efficiency (along with the economic feasibility) [30, p. 31]. Other sources identify law efficiency with law optimality. In our opinion, this is largely due to the fact that in Russian the word 'optimal' is one of the synonyms for the word 'efficient' (defined as 'optimal; allowing for achieving the desired result with minimal costs and minimal undesirable effects'²).

A. S. Pashkov, L. S. Yavich described law efficiency as legal formalization of the optimal behavior [41, p. 41]. Let us emphasize that N. V. Varlamova believes that 'the legal regulation can be viewed as efficient if it provides for maximum guarantees of rights and freedoms with minimal restrictions' [5, p. 217]. However, the problem of receiving maximum results at minimal resources is not so much the question of efficiency as of optimality. Optimality is related to the degrees of efficiency and intended to reduce the use of resources so that this does not provide lower results, since uncontrolled cost reduction can lead to nullification of the result itself. Optimal legal regulation is the best balance between the costs and the results achieved.

It should also be noted that it is proposed to understand law efficiency 'as the ratio between effectiveness and optimality, i.e. the law will be effective if the optimal result is achieved, which is equal to the goal set for this law' [31, p. 155]. However, the optimal result is not the ideal goal (the desired effect), but the best result with regard to the goals set under given conditions. And after the final goal is reached, it is necessary to assess the costs in order to qualify legal regulation as effective: there is a chance that the costs of getting

² Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/efficient>.

настолько велики, что ни о какой эффективности не может быть и речи.

Оптимальность правового регулирования также связана с конструктом «польза–риск» [70, pp. 407–420]. Допустим, если для нивелирования риска нарушения права потребителей на безопасность в кафе достаточно и необходимо выполнение предпринимателем двух обязательных действий, то именно такое правовое регулирование следует признать оптимальным. Такой же результат может быть получен при выполнении предпринимателем трех, четырех или пяти обязательных действий, но он не будет оптимальным, при этом мы видим три разные степени эффективности (от наибольшей (два обязательных требования) – до наименьшей (пять обязательных требований)). При этом результат правового регулирования достигается во всех случаях.

Теории права необходимо также самостоятельное, отличное от эффективности, понятие *реализованности* права, правового регулирования и правовых норм, которое поможет ответить на вопрос: почему правовое установление не реализуется (не соблюдается, не исполняется, не используется)? При этом могут быть выявлены различные степени реализованности правовой нормы: от полной нереализованности до полной реализованности. Поиск причин нереализованности или неполной реализованности права и предложение путей их устранения – задача исследования этой правовой категории. Так, эксперты отмечают, что правовое требование о строительстве школ с ориентацией на южную, юго-восточную и восточную стороны горизонта не реализуется из-за объективного отсутствия таких свободных мест, особенно в городах с плотной застройкой [52]¹. Однако это не вопрос о соотношении использованных ресурсов и полученных результатов (построенных или непостроенных школ).

Степени реализованности права также будут зависеть от вида правовой нормы. Так, при полном соблюдении запрещающих правовых норм такие нормы будут полностью реализованы, но эффективность таких норм может быть оценена только через ресурсы, которые потрачены на поддержание такого запрета.

Ю. И. Шуплецова приводит такой пример: «...можно запретить эксплуатацию нефтяных скважин на Красной площади, и, поскольку вряд ли кто станет этим там заниматься (прежде всего, ввиду отсутствия нефти!), установленная норма будет, как уже упоминалось выше, эффективна на 100 %» [60]. Очевидно, что автор пишет о реализованности нормы права (ее полном соблюдении), но насколько такая норма целесообразна – это второй вопрос, и насколько эффективна с позиций соотношения результата и затрат – это третий вопрос. Возможно, компетентные органы для обеспечения соблюдения такого запрета вынуждены регулярно проводить контроль, мониторинг, осмотры и тому подобные действия, требующие и финансовых, и организационных, и временных затрат.

При оценке реализуемости запрещающих правовых норм необходимо учитывать следующее правило: «нечастое применение тех или иных норм об ... ответственности ... не может достоверно подтверждать отсутствие предусмотренных ими составов правонарушений ... а скорее может быть обусловлено проблемами выявления противоправных действий (бездействия), образующих состав ... правонарушения, и в ходе производства по таким делам» [51].

При этом в юридической науке фактически не сформирован механизм оценки реализованности управомочивающих и обязывающих норм права. Например, согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 435 ГК РФ, если извещение об отзыве оферты поступило ранее или одновременно с самой офертой, оферта считается не полученной. Перед нами обязывающая норма права: адресат оферты обязан считать такую оферту полученной. За всю 25-летнюю историю действия первой части ГК РФ суды использовали эту норму лишь однажды, причем кассационная инстанция констатировала, что она не подлежала применению в деле². Аналогичная ситуация с нормой абзаца 2 пункта 1 статьи 233 ГК РФ, установившей обязанность лица, производившего раскопки или поиск ценностей без согласия на это собственника земельного участка или иного имущества и

² Постановления ФАС Дальневосточного округа от 20.06.2006, 13.06.2006 № Ф03-А51/06-1/2069 по делу № А51-8226/2005-23-151.

the achieved result are so great that any efficiency is out of question.

Optimality of legal regulation is also related to the 'benefit-risk' model [70, pp. 407–420]. For example, if for eliminating the risks of infringing the consumer's right for safety in a cafe it is necessary and sufficient for the entrepreneur to perform two mandatory actions, then this particular legal regulation should be considered optimal. With this, the same result can be obtained when the entrepreneur performs three, four or five mandatory actions, but it will not be optimal; here we see three different degrees of efficiency (from the highest (two mandatory requirements) to the lowest (five mandatory requirements)). At the same time, the result of legal regulation is achieved in all cases.

The theory of law also needs an independent, different from efficiency concept of *implementation* of law, legal regulation and legal norms, which would help to answer the question why a legal provision is not implemented (not observed, not enforced, not used). At the same time, various levels of the legal norm implementation can be identified: from complete non-implementation to full implementation. The task of this legal category study is to find the reasons for non-implementation or partial implementation of law and offer ways to eliminate them. For example, experts mention that the legal requirement to build schools facing the southern, south-eastern and eastern sides of the horizon is not implemented due to the objective lack of such non-occupied locations, especially in the cities with high-density building planning [52]¹. However, this is not a question of ratio between the resources used and the results obtained (built or not built schools).

At the same time, the degree of law implementation will depend on the type of the legal norm. For example, if the prohibiting legal norms are fully followed, such norms will be fully implemented, but their efficiency can only be assessed through the resources spent on maintaining such a prohibition. Yu. I. Shchupletsova gives an example as follows: '...it is possible to prohibit

using oil wells on Red Square, and since it is unlikely that anyone will do it there (first of all, due to the absence of oil!), the established norm, as already mentioned above, will be 100% efficient' [60]. It is obvious that the author writes about the implementation of the legal norm (its full observance), but another question is to what extent the norm is expedient, and the third question will be to what extent it is effective with regard to the ratio between the result and the costs. It may be that to ensure compliance with this prohibition, the competent authorities have to regularly control, monitor, inspect and perform suchlike activities which require financial, organizational, and time expenditures.

When evaluating the implementability of prohibiting legal norms, the following rule should be taken into account: 'the infrequent application of certain norms on ... liability ... cannot reliably confirm the absence of the elements of offenses contained in them ... but rather may be conditioned by the problems of detecting illegal actions (failures to act) that constitute elements... of the offense, and in the course of the court proceedings on such cases' [51].

At the same time, legal science does not actually have a mechanism for evaluating the implementation of enabling and binding legal norms. For example, according to para. 2 of Item 2 of Article 435 of the Civil Code of the Russian Federation, if the notice of the offer withdrawal was received earlier or simultaneously with the offer itself, the offer is considered not received. Here we have a binding legal norm: the addressee of the offer must consider such an offer not received. For the entire 25-year history of Part One of the Civil Code, the courts have used this rule only once, and moreover, the court of cassation concluded that it was not applicable for the case². The same situation is with para. 2 of Item 1 of Article 233 of the Civil Code which established the duty of a person who conducted excavation works or search for valuables without the consent of the owner of the land or

² Resolutions of the Federal Commercial Court of the Far Eastern Federal District No. F03-A51/06-1/2069 of June 20, 2006, of June 13, 2006 in case No. A51-8226/2005-23-151.

¹ Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами.

¹ Soviet laws that survived to 2020: Bachelor tax and instruction on fighting the flies.

обнаружившего клад, передать его собственнику земельного участка или иного имущества, где был обнаружен клад. Упоминание этой правовой нормы в правоприменительной практике отсутствует.

Таким образом, ни один случай использования этих норм права нам не известен. Можно сделать вывод, что эти нормы права практически не используются, уровень их реализованности низкий, близкий к нулевому. Но как оценить такую нереализованность, являются ли эти правовые нормы ненужными?

Синергетический подход к эффективности права

Может ли теория права сформировать собственный, отличный от разработанного в экономической науке, единообразный подход к эффективности? Возможно, но пока эта задача далека от разрешения.

Сведение правовой эффективности исключительно к «экономизму» активно критикуется и в зарубежной доктрине [69, pp. 5–66]. При этом анализ эффективности права зачастую проводится в рамках изучения влияния экономики на право и доктрины экономического анализа права [64, pp. 171–187; 65, pp. 221–249; 72, pp. 1461–1501; 75, pp. 393–417].

Пока в правоведческих исследованиях мы видим частое смешение общеупотребляемого значения слова «эффективность – как «действенный, дающий эффект» [40, с. 914] и специально-экономического значения эффективности как соотношения полученного результата и произведенных затрат.

В последних научных исследованиях эффективность права стали рассматривать как способность правом достичь чего-то (максимальной свободы личности, социальной неконфликтности, укрепление правовых начал и др.).

При этом выделяются многочисленные виды эффективности права. В частности, С. А. Жинкин пишет о: духовно-культурной эффективности – «имеется в виду реализация роли и назначения права в конкретном духовно-историческом и культурно-историческом контексте»; аксиологической эффективности как отражении и защите правом основополагающих ценностей; эффективности позитивного права как соотношении поставленных государством целей и степени их достижения;

социальной эффективности как средства удовлетворения социальных интересов; политической эффективности как инструменте проведения государственной политики; о поведенческой эффективности как регуляторе активности человека, его поведения; психологической эффективности как значимости и признанности права во внутреннем мире личности, личностной преданности праву и его принципам, солидарности с правом. Также автор выделяет в соответствии с функциями права регулятивную (успешное и динамичное регулирование правом общественной жизни), охранительную (действенное предотвращение социально вредного поведения), воспитательную (действие права по формированию личности) и ценностную эффективность права [15, с. 102–104].

Другими словами, право, например, социально-эффективно, если удовлетворяет социальные интересы, и психолого-эффективно, если внутренний мир личности признает право, и политико-эффективно, если право проводит государственную политику, и регулятивно-эффективно, если регулирует общественные отношения, и охранительно-эффективно, если предотвращает социально-вредное поведение и т. д.

Однако при таком подходе эффективность права поглощает практически все остальные правовые категории: сущность и природу права, содержание права, функции права, действие права, механизм правового регулирования, правосознание, правовую психологию и др.

Например, С. А. Жинкин полагает, что «психологическая эффективность права подразумевает признание права массовым сознанием, психологическую готовность людей обратиться именно к праву для решения своих жизненных проблем. Оно определяется и тем, какие эмоции испытывают граждане, обращаясь именно к праву и его системе средств, в какой мере они испытывают психологическое удовлетворение от такого обращения и его результатов» [15, с. 103–104]. Однако в теории права под эмоциональными переживаниями, настроением и другими психическими процессами, отражающими субъективное отношение личности к праву, понимают правовую психологию, а не психологическую эффективность права.

other property and found a buried treasure to transfer it to the owner of the land or other property where the treasure was discovered. There is no mention of this legal norm in law enforcement practice.

Thus, we are not aware of a single case of applying these rules of law. We can conclude that these rules of law are practically not used, the degree of their implementation is low and approaching zero. But how to evaluate this non-implementation? Are these rules unnecessary?

Synergic Approach to Law Efficiency

Can the theory of law develop its own uniform approach to efficiency, different from that developed in economics? It may be possible, but for the moment this task is far from being resolved.

Narrowing law efficiency down to no more than 'economism' is also actively criticized in the foreign doctrine [69, pp. 5–66]. The analysis of the law efficiency is often performed within the framework of studying the impact of economics on law and the doctrine of the economic analysis of law [64, pp. 171–187; 65, pp. 221–249; 72, pp. 1461–1501; 75, pp. 393–417].

So far, we see that in legal studies the commonly used meaning of the word 'efficiency' as the quality of being 'effective, giving effect' [40, p. 914] is often confused with the specific economic meaning of the ratio between the result obtained and the costs incurred.

In recent scientific research, law efficiency has been regarded as *the ability of law to achieve something* (maximum personal freedom, absence of social conflicts, strengthening of legal fundamentals, etc.).

At the same time, numerous types of legal efficiency are grouped out. In particular, S. A. Zhinkin writes about: spiritual and cultural efficiency 'as the implementation of the role and purpose of law in a specific spiritual-historical and cultural-historical context'; axiological efficiency as the reflection and protection of fundamental values by law; efficiency of positive law as the

ratio between the goals set by the state and the degree of their achievement; social efficiency as a means of satisfying social interests; political efficiency as an instrument of implementing the state policy; about behavioral efficiency as the regulator of human activity and behavior; psychological efficiency as the significance and recognition of law in the inner world of an individual, personal loyalty to law and its principles, solidarity with the law. In accordance with the functions of law, the author also identifies regulatory (successful and dynamic regulation of public life by law), protective (effective prevention of socially harmful behavior), educational (influence of law on the formation of the personality) and value-based efficiency of law [15, pp. 102–104].

In other words, the law is, for example, socially effective if it satisfies social interests, psychologically effective – if the inner world of the individual recognizes the law, politically effective – if the law implements the state policy, regulatory effective – if it regulates social relations, and protectively effective – if it prevents socially harmful behavior, etc.

However, with this approach, law efficiency absorbs almost all other legal categories: the essence and nature of law, the content of law, the functions of law, the operation of law, the mechanism of legal regulation, legal consciousness, legal psychology, etc.

For example, S. A. Zhinkin believes that 'the psychological efficiency of law implies the recognition of law by collective consciousness, the psychological readiness of people to appeal to law to solve their life problems. It is also determined by the emotions that citizens feel when they are appealing particularly to law and its system of tools, and to what extent they feel psychological satisfaction from such appealing and its results' [15, pp. 103–104]. However, in the theory of law, emotional experience, mood, and other mental processes that reflect a person's subjective attitude to law are understood as legal psychology, but not the psychological efficiency of law.

Автор считает, что «охранительная эффективность права – это действенное предотвращение правом социально вредного поведения, эффективное назначение и исполнение наказаний, достижение целей карательной политики» [15, с. 104]. Но если мы обратимся к понятию охранительной функции права, то увидим, что под ней понимается нацеленность права на охрану положительных и вытеснение вредных для общества отношений, включающую пресечение и предотвращение противоправного поведения [58, с. 220]. Таким образом, охранительная эффективность права и охранительная функция права содержательно совпадают.

Если говорить об эффективности права как о его способности достичь максимальную меру свободы человека или обеспечить признание прав и свобод высшей ценностью, либо добиться соблюдения норм позитивного права или реализации заложенных в нормы права целей, то что тогда следует понимать под сущностью и содержанием права как самостоятельными категориями?

В целом синергетический подход к эффективности права может быть приемлем, только если он не предполагает растворение в эффективности права всех остальных наукообразующих понятий теории права.

В научной доктрине имеются и попытки охватить понятием эффективности комплексных понятий (оптимальность, целесообразность, результативность). Так, А. С. Пашков и Л. С. Явич писали, что «норма права социально эффективна, если она соответствует объективным потребностям прогрессивного развития общества, при этом она должна предусматривать оптимальный вариант поведения, который требуется для достижения научно обоснованной цели и реально обеспечивает наступление фактического результата, который соответствуют этой цели» [41, с. 40]. Но насколько имеется необходимость в таком собирательном понятии эффективности? Если норма нецелесообразна (не соответствует объективным потребностям), ее оптимальность и результативности не имеет смысла исследовать и оценивать. В этом случае мы должны констатировать, что правовая норма нецелесообразна; конечно, можно также отметить, что она и неэффективна, но зачем? Если пра-

вовая норма и целесообразна и оптимальна, но не наступает фактический результат, то она нерезультативна и тем самым также неэффективна.

Кроме того, категориальный аппарат науки теории права постоянно совершенствуется за счет появления новых терминов и категорий, которые связаны с эффективностью права.

В частности, с 2012 г. в России действуют Правила оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов¹. Как связана категория «эффективность права» с категорией «регулирующее воздействие нормы права (нормативно-правовых актов)»? В Правилах проведения оценки регулирующего воздействия вообще не упоминается понятие возможной эффективности правового регулирования и не проводится его оценка. При этом указано, что в Сводном отчете о проекте акта, имеющего высокую степень регулирующего воздействия, должно в том числе содержаться «описание проблемы, на решение которой направлен предлагаемый способ регулирования, оценка негативных эффектов, возникающих в связи с наличием рассматриваемой проблемы» (подп. б) п. 15 Правил), а также «описание методов контроля эффективности избранного способа достижения цели регулирования» (подп. н) п. 15 Правил). Однако здесь речь идет не о негативном эффекте правового воздействия, а о негативном эффекте имеющейся проблемы. В снятии таких эффектов видится целесообразность правового воздействия. Эффективность способа достижения цели оценивается только при выявлении рисков решения проблемы предложенным способом регулирования и рисков негативных последствий (подп. м) п. 15 Правил). Очевидно, что законодатель под эффективностью способа достижения цели понимает не эффективность права как достижения этой цели или как затраты на ее достижение.

На наш взгляд, оценка регулирующего воздействия предназначена для предотвращения отрицательных эффектов правового воз-

¹ Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2012 г. № 1318 (ред. от 02.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7491.

The author further states that 'the protective efficiency of law is an effective prevention of socially harmful behavior, efficient imposition and execution of punishments, and achieving the goals of the penal policy' [15, p. 104]. However, if we turn to the concept of the protective function of law, we will see that it is understood as the orientation of law towards the protection of positive relations and elimination of relations which are harmful for the society, including the suppression and prevention of illegal behavior [58, p. 220]. Thus, the protective efficiency of law and the protective function of law coincide in their content.

If we speak about the law efficiency as its ability to achieve the maximum measure of human freedom or to ensure the recognition of rights and freedoms as the highest value, or to provide for compliance with the rules of the positive law or the implementation of the goals contained in law, then what shall we mean by the essence and content of law as independent categories?

In general, a synergic approach to law efficiency can be acceptable only if it does not involve the absorption of all other science-forming concepts of the theory of law by law efficiency.

In the scientific doctrine, there are also attempts to include a set of other concepts (optimality, expediency, effectiveness) into the concept of efficiency. For example, A. S. Pashkov and L. S. Yavich wrote that 'a legal norm is socially effective if it meets the objective needs of progressive development of the society, while providing for the optimal behavior that is required to achieve a scientifically justified goal and actually delivers the real result that corresponds to this goal' [41, p. 40]. But to what extent such a collective concept of efficiency is necessary? If a norm is not expedient (does not correspond to the objective needs), there is no sense in investigating and evaluating its optimality and effectiveness. In this case, we have to conclude that the legal norm is not expedient; surely, we can also note that it is ineffective, but what for? If a legal norm is both expedient and

optimal but the actual result does not occur, then the norm is ineffective and thereby also inefficient.

In addition, the terminological apparatus of the theory of law is constantly improving through the introduction of new terms and categories that are related to the efficiency of law.

In particular, the *Rules for Assessing the Regulatory Impact of Draft Legal Acts*¹ have been in force in Russia since 2012. How is the category of 'law efficiency' connected with the category of the 'regulatory impact of the legal norm (normative legal acts)'? The *Rules for Assessing the Regulatory Impact* do not mention possible efficiency of the legal regulation and do not assess it. Moreover, it is indicated that the Summary report on the draft act having a high regulatory impact should contain 'the description of the problem to be solved by the proposed method of regulation, the evaluation of adverse effects arising from the problem' (sub-item b) of Item 15 of the Rules), as well as 'the description of methods for monitoring the efficiency of the chosen method of achieving the regulation goal' (sub-item n) of Item 15 of the Rules). However, what is meant here is not the negative effect of legal impact, but the negative effect of the existing problem. We see the legal impact expediency in removing such effects. The efficiency of the method of achieving the goal is evaluated only in case the risks of solving the problem by the proposed regulation method as well as the risks of negative consequences (sub-item m) of Item 15 of the Rules) are identified. Obviously, the legislator understands the efficiency of the method used for achieving the goal neither as the efficiency of law expressed in the achievement of this goal nor as the costs of achieving it.

In our opinion, the regulatory impact assessment is aimed at preventing the negative effects of legal impact: 'it should play a key role in preventing

¹ Rules for Assessing the Regulatory Impact of Draft Legal Acts and Draft Resolutions of the Eurasian Economic Commission by the Federal Executive Bodies: Order of the Government of the Russian Federation No. 1318 of December 17, 2012 (as amended on 02.03.2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2012. No. 52. Art. 7491.

действия: «она должна играть ключевую роль в том, чтобы не допустить появления в нашем законодательстве норм, негативно влияющих на интересы конкретных граждан, субъектов бизнеса» [49, с. 17]. И для такой оценки необходимо прежде всего целеполагание правового воздействия: «В законах недостаточно раскрывается целеполагание. Зачастую простая оценка регулирующего воздействия оказывается невозможной. Если какой-либо позитивный результат достигается, то не понятно: произошло это благодаря закону или вопреки ему. Такая ситуация обуславливает целесообразность введения жестких установок целеполагания и эффективности в методические основы законотворческого процесса» [61, с. 16]. Заметим, что здесь процессы целеполагания и эффективности права различаются.

Возможно, законодатель не видит смысла проводить оценку потенциальной эффективности правового акта, поскольку эффективность правового регулирования согласно отечественной правовой традиции можно определить только после начала действия акта.

В связи с этим встает вопрос о соотношении оценки эффективности правового регулирования и оценки фактического правового воздействия.

«При применении оценки фактического воздействия действующего нормативного акта происходит сбор предложений с обоснованием избыточности регулирования либо информации об издержках выполнения требований регулирования со стороны экспертов и предпринимателей. При этом важно отметить, что оценке подлежат не правовая форма регулирования общественных отношений, а сами экономические механизмы и прогноз социально-экономических последствий применения правовых норм» [11, с. 19]. В таком понимании оценка фактического воздействия правового акта близка к оценке его эффективности как соотношения результатов и затрат.

Новый для теории права термин «нормативно-правовое дерегулирование» также нуждается в оценке его соотносимости с эффективностью права и правового регулирования. Под нормативным дерегулированием следует понимать уменьшение обязательных требований, расширение возможностей договорного регулирования за счет сокращения «законного» регулирования, замены императивных

норм диспозитивными. Является ли такое дерегулирование условием повышения эффективности права? Если под эффективностью права понимать соотношение результатов и затрат, то ответ на этот вопрос должен быть положительным. Вот как объясняются причины дерегулирования: «исполнение обязательных требований перестало достигать своей основной цели – способствовать улучшению качества товаров, работ и услуг, повышению качества жизни и защите граждан. Напротив, исполнение требований приводило к неоправданному увеличению издержек и, как следствие, к удорожанию товаров, работ и услуг. В итоге государства, столкнувшись с данной проблемой, были вынуждены заняться исключением устаревших, дублирующих друг друга и явно обременительных нормативных положений» [50, с. 37]. Очевидно, что если затраты бизнеса на обеспечение качества товаров, работ, услуг (фактический результат) уменьшатся, то следовательно эффективность правового регулирования повысится (максимально-желаемый результат при минимальных затратах). Как верно заметил Е. П. Губин, «дерегулирование представляет собой деятельность, направленную на совершенствование отношений, с использованием потенциала рыночной экономики, отмена тех или иных методов, инструментов регулирования рынка должна сопровождаться необходимыми расчетами возникающих последствий» [9, с. 37].

Разновидностью нормативного дерегулирования является «регуляторная гильотина», которая также относится к новым понятиям в теории права.

Целями и направлениями программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» являются систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований, борьба с дублированием правовых требований друг друга и их избыточностью, исключение неэффективных обязательных требований, внедрение правила принятия новых обязательных требований только после отмены двух устаревших (1 in 2 out)¹. Цели «регуляторной гильотины» связаны с признанием утратившими

¹ Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (прил. к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 дек. 2016 г. № 12) (ред. от 30.05.2017). URL: <http://контроль-надзор.рф>.

the emergence of norms in our legislation that negatively affect the interests of individuals and business entities' [49, p. 17]. And for such an assessment, it is necessary, first of all, to set goals for the legal impact: 'The goal setting is not sufficiently represented in laws. A simple assessment of the regulatory impact is often impossible. If any positive result is achieved, it is not clear whether it was due to the law or in spite of it. This situation provides for the expediency of introducing strict rules of goal setting and efficiency into the methodological fundamentals of the law-making process' [61, p. 16]. It is noteworthy that here the processes of goal setting and law efficiency differ.

Perhaps, the legislator does not see the point in evaluating the potential efficiency of a legal act since, according to the domestic legal tradition, the efficiency of legal regulation can be determined only after the act has come into effect.

This raises the question of the correlation between the assessment of legal regulation efficiency and assessment of the actual legal impact.

'When applying the assessment of the actual impact of a regulatory act that is currently in effect, there are collected proposals from experts and entrepreneurs with justification of redundant regulation, or information about the costs of regulatory requirements being fulfilled. It is important to note that not the legal form of the social relations regulation should be assessed, but the very economic mechanisms and the forecast of the socio-economic consequences of applying the legal norms' [11, p. 19]. In this sense, the assessment of the actual impact of a legal act is close to the assessment of its efficiency as the ratio of results and costs.

Legal deregulation, a new term for the theory of law, also requires assessment of its comparability with law efficiency and legal regulation. Legal deregulation should be understood as reducing the mandatory requirements, expanding the possibilities of contractual regulation by downsizing the 'law-based' regulation, and replacing mandatory rules with the dispositive ones. Is such deregulation a condition for

improving the efficiency of law? If the law efficiency is understood as the ratio between results and costs, then the answer to this question should be yes. Here is how the reasons for deregulation are explained: 'the observation of mandatory requirements has ceased to achieve its main goal, which is improvement of the quality of goods, works and services, improvement of the quality of life and protection of citizens. On the contrary, compliance with the requirements resulted in unreasonable cost increase and, consequently, in a rise in the cost of goods, works and services. As a result, the countries which faced this problem were forced to start legislative work to eliminate outdated, duplicative and clearly burdensome regulations' [50, p. 37]. Obviously, if the businesses' expenses for ensuring the quality of goods, works, and services (the actual result) decrease, the efficiency of legal regulation will accordingly increase (the maximum desired result at the minimum cost). As E. P. Gubin was right to note, 'deregulation is an activity aimed at improving relations with the use of the market economy potential; the abolition of certain methods and tools of market regulation should be accompanied by the necessary calculations of the resulting consequences' [9, p. 37].

The 'regulatory guillotine', which is also one of the new concepts in the theory of law, is a type of legal deregulation.

The goals and of the program 'Control and Supervision Activities Reform' are to systematize and reduce the number of mandatory requirements and update them, to combat the duplication of legal requirements and their redundancy, to eliminate inefficient mandatory requirements, and to introduce a rule for accepting new mandatory requirements only after cancelling of two outdated ones (1 in 2 out)¹. The goals of the regulatory guillotine

¹ Passport of the Priority Program 'Reform of Control and Supervision Activities' (Annex to the Protocol of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects No. 12 of December 21, 2016 (as amended on 30.05.2017). Available at: <http://control-nadzor.rf>.

силу (или с отменой) устаревших, избыточных, **неактуальных**, противоречащих друг другу, коррупционноремких правовых норм, многие из которых зачастую вызывают недоумение у их адресатов.

«Регуляторную гильотину» часто употребляют в одном понятийном ряду с эффективностью права и правового воздействия [35, с. 20–36], в том числе называя разновидностью оценки регулирующего воздействия [26, с. 16–19].

В активный юридический категориальный оборот это понятие ввел, будучи председателем Правительства РФ, Д. А. Медведев в начале 2019 г. на Гайдаровском экономическом форуме, объяснив, что «все те ранее действовавшие положения актов, которые содержат обязательные требования и которые не будут специальным образом одобрены или изменены, автоматически утрачивают силу», а этот механизм должен привести к экономическому рывку¹. Данный механизм должен сопровождаться и надлежащей системой государственного контроля и надзора, чтобы уменьшение количества нормативных правовых актов не привело к потере защищаемого законом уровня безопасности потребителей.

Механизм «регуляторной гильотины» охватывает множество показателей, и ее основная идея «заключается в возможности быстрого пересмотра и отмены по итогам фильтрации значительного количества нормативных актов с целью выявления правил, противоречащих законодательству (или друг другу), а также экономически неэффективных, неработающих, нецелесообразных правил, в результате реализации которых не достигаются положительные результаты или реализация которых влечет существенные, необоснованные расходы, связанные с предотвращением значительных рисков» [1].

«Регуляторная гильотина» и эффективность права, как соотношение результатов и затрат, связаны следующим и достаточно понятным образом: «снижение затрат государственного бюджета и расходов бизнеса на выполнение избыточных нормативных предписаний автоматически приводит к улучшению экономических показателей привлечения

инвестиций и увеличения прибыли у компаний» [11, с. 18].

На наш взгляд, в таком понимании «регуляторная гильотина» в большей степени тяготеет к понятию оптимизации правового регулирования и к некоторым другим характеристикам правового воздействия.

Именно в *оптимизации* правового регулирования видится задача проводимой «регуляторной гильотины» – сохранить (или повысить) результативность правового регулирования при одновременном повышении его эффективности (снижение затрат на получение такого же результата): «цель реализации механизма “регуляторной гильотины”: формирование современной, адекватной требованиям времени и технологического развития, эффективной системы регулирования в соответствующей сфере общественных отношений, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня, в том числе путем выбора адекватных способов воздействия на риски и установления таких обязательных требований, которые в наибольшей степени влияют на предотвращение негативных последствий реализации этих рисков»².

Общий механизм «регуляторной гильотины» таков: «каждая норма или административная процедура проходит через простые фильтры, объединенного в форме контрольного листа с вопросами: “Законна ли она? Необходима ли она для общества? Благоприятна ли она для бизнеса? Необходимы ли и обоснованы ли платежи и нормы при реализации нормы?”» [10, с. 12] Как видим, «регуляторная гильотина» призвана ответить на вопросы о целесообразности, положительном эффекте, пользе, затратности правовых норм.

Таким образом, «регуляторная гильотина» связана в большей степени не с понятием эффективности права как соотношением затрат и результатов, а с поиском оптимальности правового регулирования, обеспечением баланса «польза-риск», целеполаганием, целесообразностью нормативно-правовых актов.

² Методика исполнения плана мероприятий («Дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины». URL: <http://knd.ac.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2019).

are associated with invalidating (or cancelling) of outdated, redundant, **obsolete**, contradicting each other, corruption-prone legal norms, many of which often cause confusion among their addressees.

The ‘regulatory guillotine’ is often used in the same concept row as law efficiency and legal impact [35, pp. 20-36], it is often called a type of the regulatory impact assessment [26, pp. 16-19].

This concept was introduced into legal circulation by Dmitry Medvedev, the then-Prime Minister of the Russian Federation, at the Gaidar Economic Forum held at the beginning of 2019. Medvedev explained that ‘All those previously existing provisions of acts that contain mandatory requirements and will not be specifically approved or changed, automatically lose their force’, and this mechanism should result in an economic breakthrough¹. This mechanism should also be accompanied by an appropriate system of state control and supervision, so that a reduction in the number of regulatory legal acts does not lead to a loss of the consumer safety level protected by law.

The mechanism of the ‘regulatory guillotine’ covers a variety of indicators and its main idea is ‘in the ability to quickly review and cancel a significantly large number of normative acts based on the results of their filtering, for identifying the rules that contradict the law (or each other), as well as identifying economically inefficient, non-operating, inexpedient rules which when implemented do not provide positive results or entail significant, unreasonable costs associated with the prevention of significant risks’ [1].

The ‘regulatory guillotine’ and the efficiency of law as a ratio between results and costs are linked in the following quite understandable way: ‘reducing the cost of the expenditures of the state budget and business’s expenses on the implementation of excessive regulatory requirements auto-

matically results in the improvement of the economic indicators of raising investments and increasing profits for companies’ [11, p. 18].

In our view, in this understanding the ‘regulatory guillotine’ gravitates more towards the concept of the legal regulation optimization and to some other characteristics of legal impact.

The particular task of the ‘regulatory guillotine’ is in the optimization of the legal regulation, i.e. in keeping (or increasing) the efficiency of legal regulation while increasing its efficiency (reducing the costs of obtaining the same result): ‘the goal of implementing the ‘regulatory guillotine’ mechanism: the development of a modern, effective regulatory system which is adequate with the requirements of time and technological development, in a particular sphere of social relations, on the basis of identifying the most meaningful public risks and reducing them to an acceptable level, including by selecting appropriate ways to influence risks and establishing such mandatory requirements that most affect the prevention of negative consequences of these risks implementation»².

The general mechanism of the ‘regulatory guillotine’ is as follows: ‘each norm or administrative procedure passes through simple filters combined in a checklist with questions: ‘Is it legal? Is it necessary for the society? Is it favorable for business? Are payments and norms necessary and reasonable when implementing the norm?’ [10, p. 12]. As we can see, the ‘regulatory guillotine’ is designed to answer questions about legal norms expediency, positive effect, profit and cost.

Thus, the ‘regulatory guillotine’ is related not so much to the concept of law efficiency being the ratio between costs and results as to the search for the optimal legal regulation that would ensure the ‘risk-profit’ balance, goal setting, expediency of legal acts.

² Procedure of Executing the Action Plan (‘Roadmap’) for Implementation of the Regulatory Guillotine Mechanism. Available at: <http://knd.ac.gov.ru> (accessed 16.07.2019).

¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/03/2020/5e661eb19a794773fdccdb56>.

¹ Available at: <https://www.rbc.ru/economics/09/03/2020/5e661eb19a794773fdccdb56>.

Заключение

Проблема в поиске единообразного определения эффективности права связана прежде всего с многообразием представлений о праве, с разными типами правопонимания.

В частности, эффективность права в кельзиновском позитивизме – это соответствие поведения субъектов права той модели поведения, которое заложено в правовой норме; в советском позитивизме – это соответствие фактического поведения субъектов права и социальной целью, поставленной перед нормой права; в крайнем легизме – это обоснованность, целесообразность права и его способность отражать реальные общественные отношения; в деятельностном подходе к праву – это эффективность правоприменения; в либертарной теории права – это обеспечение максимально возможной в обществе свободы личности при минимальном ее ограничении; при правовом плюрализме эффективность права – это многомерное и многоуровневое понятие, требующее выделения политической, экономической, социальной, духовной, воспитательной, психологической и прочей эффективности.

В свете широкого плюралистического понимания правовой эффективности встает вопрос о существовании специально-юридической эффективности, под которой понимают соответствие поведения адресатов правовых норм требованиям последних (совпадение желаемого и фактического поведения). При таком подходе к юридической эффективности права она растворяется в формах реализации права (соблюдение, исполнение и использование) и не имеет собственного содержания.

Единственное слово, которое роднит все научные понятия эффективности права (которых десятки), – это «соответствие», а вот в дальнейшем понимании *соответствия «между чем и чем»* исследователи расходятся, временами диаметрально: социальными (общественно) значимыми целями правовой нормы, целями законодателя, фактическим поведением адресатов нормы, желаемым поведением адресатов нормы, результатами правового воздействия, затратами на правовое регулирование и др. При такой доктринальной разногласии и несогласованности эффективность права следует отнести к числу наименее понятных правовых явлений в теории права.

Эффективность права в юридических исследованиях – это также не вполне упорядоченное использование понятия эффективности от широкого (как следствие из любой причины, как эффект деятельности) до узко-экономического (соотношения результатов и затрат), переходящее в «перемешивание» философского и специально-отраслевого понимания эффективности.

Если оставаться в экономической категориальной матрице понимания эффективности как соотношения фактических результатов правового воздействия и затрат (ресурсов), потраченных на этот результат (причем затрат финансовых, организационных, управленческих, юридико-технических и проч.), то необходимо строго ограничивать эффективность от смежных и близких категорий – «эффект», «польза», «результативность», «оптимальность», «целесообразность», которые в экономической науке определены разнятся. При этом нужно различать эффективность права и его реализованность (соблюдение, исполнение и использование).

На наш взгляд, применение к категории эффективности права синергетического подхода на сегодняшний день также нельзя признать успешными и удачными, поскольку фактически он приводит к поглощению эффективностью права почти всех других базовых категорий теории права (сущность, содержание, цели, задачи, функции права, правовая культура, правовая психология, правосознание и др.).

Доктринальные попытки охватить (полностью или частично) понятием эффективности права такие категории, как результативность, целесообразность, полезность, оптимальность, эффект права, пока не имеют достаточных доказательств обоснованности такого поглощения.

Эффективность права должна найти свое место и в понятийных рядах таких относительно новых юридических категорий, как: регулирующее правовое воздействие, фактическое правовое воздействие, дерегулирование, «регуляторная гильотина». Их соотношение, конечно, будет зависеть от подхода к пониманию эффективности права. В настоящее время их соотношение предварительно возможно установить только при трактовке эффективности права как соотношения результатов и затрат либо при отождествлении эффективности и результативности права (достижение цели правового воздействия).

Conclusions

The problem of searching for a single definition of the efficiency of law is primarily associated with the variety of ideas of law, with different approaches to understanding law.

In particular, law efficiency in Kelsen's positivism is the compliance of the right holders' behavior with the behavioral model enshrined in the legal norm; in Soviet positivism, it is the compliance of the actual behavior of right holders with the social goal set for the legal norm; in extreme legalism it is the reasonableness, appropriateness of the law and its ability to reflect the real social relationships; in the activity-based approach to the law it is the efficiency of law enforcement; in the libertarian theory of law, it is ensuring the maximum possible freedom of an individual in the society with minimal restrictions; in legal pluralism, the efficiency of law is a multi-faceted and multiple-aspect concept that requires the distinction of political, economic, social, spiritual, educational, psychological, and other efficiencies.

In the light of the broad pluralistic understanding of legal efficiency, there arises a question about the existence of specific legal efficiency, which is understood as the compliance of the behavior of the legal norms addresses with the requirements of such norms (the coincidence of the desired and the actual behavior). With this approach to the juridical efficiency of law, it merges with the forms of the law implementation (compliance, execution and use) and does not have its own content.

The only word that is common for all scientific concepts of law efficiency (which are dozens in number) is 'compliance', but researchers differ in understanding of *compliance of what with what* is meant: socially significant goals of legal norms, the legislator's goals, the actual behavior of the addressees of the norms, the desired behavior of the addressees of the norms, the results of legal impact, cost of legal regulation and etc. With such doctrinal dissonance and inconsistency, the efficiency of law should be classified as one of the least understandable legal phenomena in the theory of law.

Legal studies demonstrate indiscriminate use of the concept of efficiency, from its broad sense (as a consequence from any reason, as an effect of activity) to a narrow-economic sense (the ratio between results and costs), which turns into a confusion of the philosophical and branch-specific understanding of efficiency.

If we remain in the economic matrix of understanding efficiency as the ratio of actual results of legal impact and the costs (resources) spent on this result (with this, the costs being financial, organizational, managerial, legal-technical and others), then it is necessary to strictly distinguish efficiency from related and close categories – effect, profit, effectiveness, optimality, expediency, which are definitely different in the economic science. At the same time, it is necessary to distinguish between the efficiency of law and its implementation (compliance, execution and use).

In our opinion, as of today, the application of the synergic approach to the law efficiency category cannot be considered successful and appropriate, since it actually leads to the absorption of almost all other basic categories of the theory of law (the essence, content, goals, tasks, functions of law, legal culture, legal psychology, legal consciousness, etc.) by the law efficiency.

Doctrinal attempts to include (in whole or in part) such categories as the law effectiveness, expediency, profitability, optimality, effect into the law efficiency do not have so far sufficient evidence of the reasonableness of such inclusion.

Efficiency of law should also find its place in the concept rows of such relatively new legal categories as: regulatory legal impact, actual legal impact, deregulation, 'regulatory guillotine'. Surely, their correlation will depend on the approach to understanding law efficiency. At present, their correlation can be preliminary determined only when law efficiency is understood as a ratio between results and costs, or when law efficiency and law effectiveness (achieving the goal of legal impact) are viewed as identical concepts.

Библиографический список

1. Александров О. В. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // Торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 107–119.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1968. 600 с.
3. Байльдинов Е. Т. К вопросу об эффективности современного международного права // Современное право. 2011. № 1. С. 134–142.
4. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь: англо-русский. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2000. 829 с.
5. Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.
6. Вишневский А. А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. 2017. № 11. С. 176–183.
7. Власов М. П. Экономико-математические методы в коммерческой деятельности. СПб., 2012.
8. Гаджиев Г. А. Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками – эффективный способ защиты прав предпринимателей. Комментарий к постановлению КС РФ от 06.07.2018 № 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 63–71.
9. Губин Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юристъ, 2006. 312 с.
10. Дидикин А. Б. «Регуляторная гильотина» в механизме взаимодействия российского государства и общества // Академик. 2019. № 2. С. 10–15.
11. Дидикин А. Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3 (32). С. 16–20.
12. Жинкин С. А. О влиянии психологических факторов на эффективность норм права // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 6 (25). С. 74–76.
13. Жинкин С. А. О методологических принципах исследования эффективности норм законодательства // Российский следователь. 2008. № 19. С. 33–34.
14. Жинкин С. А. О новых методологических подходах к исследованию проблем эффективности права // Российский следователь. 2009. № 10. С. 30–31.
15. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 373 с.
16. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.
17. Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671.
18. Ибрагимова С. В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 227–232.
19. Иконицкая И. А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979. 183 с.
20. Как обеспечить эффективность закона / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. М.: Сенатор-Пресс, 2019. 208 с.
21. Камчатов К. В., Зяблина М. В., Аристархов А. Л. Повышение эффективности защиты прав участников договора участия в долевом строительстве // Законность. 2017. № 8. С. 12–16.
22. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права. М.: Современный гуманитарный университет, 2000. 82 с.
23. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2012. 530 с.
24. Кожевников В. В. Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 39–44.
25. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. 26 с.
26. Козлова Н. В. Развитие института оценки регулирующего воздействия: введение механизма «регуляторной гильотины» // Академик. 2019. № 2. С. 16–19.
27. Коммерческая электроэнергетика: слов.-справ. М.: НИЦ ЭНАС, 2006. 112 с.
28. Костин А. А., Посметухина Е. А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» на примере таможенной деятельности // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15, № 3. С. 75–88.
29. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законо-

References

1. Aleksandrov O. V. "Regulyatornye gil'otiny": mezhdunarodnyy opyt ustraneniya prepyatstviy dlya biznesa i investirovaniya [Regulatory Guillotines: International Experience in Removing Barriers to Business and Investment]. *Torgovaya politika – Trade Policy*. 2019. Issue 1 (17). Pp. 107–119. (In Russ.).
2. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, 1968. 600 p. (In Russ.).
3. Bayl'dinov E. T. *K voprosu ob effektivnosti sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [On the Efficiency of Modern International Law]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2011. Issue 1. Pp. 134–142. (In Russ.).
4. Black J. *Ekonomika. Tolkovyy slovar': anglo-russkiy* [Economics. Explanatory Dictionary: English-Russian]. Moscow, 2000. 829 p. (In Russ.).
5. Varlamova N. V. *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie koncepcii* [Efficiency of Legal Regulation: Rethinking the Concept]. *Pravovedenie*. 2009. Issue 1. Pp. 212–232. (In Russ.).
6. Vishnevskiy A. A. *Zavereniya ob obstoyatel'stvakh: k voprosu ob effektivnosti pravovoy konstrukcii* [Statements of Circumstances: Their Efficiency]. *Zakon*. 2017. Issue 11. Pp. 176–183. (In Russ.).
7. Vlasov M. P. *Ekonomiko-matematicheskie metody v kommercheskoy deyatel'nosti* [Economic and Mathematical Methods in Commercial Activities]. St. Petersburg, 2012. (In Russ.).
8. Gadzhiev G. A. *Normokontrol' v sochetanii s deliktными iskami – effektivnyy sposob zaschity prav predprinimateley. Kommentariy k Postanovleniyu KS RF ot 06.07.2018 № 29-P* [Regulatory Compliance Verification Combined with Tort Lawsuits is an Effective Way to Protect the Rights of Entrepreneurs. Commentary on the Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P of July 6, 2018]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federacii – Herald of Economic Justice*. 2018. Issue 12. Pp. 63–71. (In Russ.).
9. Gubin E. P. *Gosudarstvennoe regulirovaniye rynochnoy ekonomiki i predprinimatel'stva: pravovye problemy* [State Regulation of Market Economy and Entrepreneurship: Legal Problems]. Moscow, 2006. 312 p. (In Russ.).
10. Didikin A. B. "Regulyatornaya gil'otina" v mekhanizme vzaimodeystviya rossiyskogo gosudarstva i obschestva [Regulatory Guillotine in the Mechanism of Interaction of the Russian State and Society]. *Akademik – Academician*. 2019. Issue 2. Pp. 10–15. (In Russ.).
11. Didikin A. B. *Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv uluchsheniya regul'yatornoy sredy* [Monitoring the Actual Effect in the System of Legal Means of Improving the Regulatory Environment]. *Monitoring pravoprimeneniya – Monitoring of Law Enforcement*. 2019. Issue 3 (32). Pp. 16–20. (In Russ.).
12. Zhinkin S. A. *O vliyaniy psikhologicheskikh faktorov na effektivnost' norm prava* [On the Influence of Psychological Factors on the Effectiveness of the Rule of Law]. *Yurist-Pravoved – Jurist-Legist*. 2007. Issue 6 (25). Pp. 74–76. (In Russ.).
13. Zhinkin S. A. *O metodologicheskikh principakh issledovaniya effektivnosti norm zakonodatel'stva* [On the Methodological Principles of Studying the Efficiency of Legislative Norms]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2008. Issue 19. Pp. 33–34. (In Russ.).
14. Zhinkin S. A. *O novykh metodologicheskikh podkhodakh k issledovaniyu problem effektivnosti prava* [On the New Methodological Approaches to Studying the Problems of Efficiency of Law]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2009. Issue 10. Pp. 30–31. (In Russ.).
15. Zhinkin S. A. *Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava* [Psychological Problems of the Efficiency of Law]. St. Petersburg, 2009. 337 p. (In Russ.).
16. Zhinkin S. A. *Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Efficiency of Law: Anthropological and Value Dimension: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 41 p. (In Russ.).
17. Zakharkina A. V., Kuznetsova O. A. *Razvitiye instrumentov pryamogo finansirovaniya sub"ektiv malogo i srednego predprinimatel'stva: pravovoy aspekt* [Development of the Instruments for Direct Financing of Small and Medium-Sized Business: the Legal Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019. Issue 46. Pp. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671. (In Russ.).
18. Ibragimova S. V. *Social'naya effektivnost' prava* [The Social Effectiveness of Law]. *Permskiy*

дательства / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

30. Курочкин С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 24–32.

31. Лайченкова Н. Н. Отдельные аспекты соотношения понятий «экономическая эффективность» и «эффективность финансового права» // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2 (52). С. 155–162.

32. Лапаева В. В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. С. 28–44.

33. Либанова С. Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 70–75.

34. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: слов. соврем. эконом. науки. М.: Дело, 2003. 519 с.

35. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. 2019. № 2. С. 20–36.

36. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. 147 с.

37. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2006. 848 с.

38. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

39. Нугаева Н. Р. Проблема эффективности права в истории отечественного правоведения // История государства и права. 2015. № 21. С. 8–13.

40. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

41. Паилов А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

42. Пикуров Н. И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 9–18.

43. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Эффективность уголовно-правовых гарантий реа-

лизации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32–35.

44. Психология А–Я. Словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.

45. Пунченко С. И. О юридической, социальной и иных видах эффективности норм права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2010. № 5. С. 64–66.

46. Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 169 с.

47. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 1997. 496 с.

48. Розачева О. С. Научно-теоретическая интерпретация категории «эффективность» в административно-деликтном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2(7). С. 260–275.

49. Румак В. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу: интервью с Е. П. Губиным // Закон. 2019. № 3. С. 8–18.

50. Саламатина И. В., Смольников Д. И. Нормативное дерегулирование в России // Закон. 2018. № 3. С. 37–44.

51. Селезнев В. А. О спорадичности применения отдельных норм Особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13.

52. Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами // Комсомольская правда. 2020. 19–26 февр.

53. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона и мониторинг. М.: Изд-во РАГС, 2010. 52 с.

54. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9.

55. Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.

56. Философия: энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

57. Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 47–51.

58. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

juridicheskiy al'manakh – Perm Legal Almanac. 2018. Issue 1. Pp. C. 227–232. (In Russ.).

19. Ikonickaya I. A. *Problemy effektivnosti v zemel'nom prave* [Problems of Efficiency in Land Law]. Moscow, 1979. 183 p. (In Russ.).

20. *Kak obespechit' effektivnost' zakona: nauchnoe izdanie / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov* [How to Ensure the Efficiency of Law: Scientific Publication; ed. by Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov]. Moscow, 2019. 208 p. (In Russ.).

21. Kamchatov K. V., Zyablina M. V., Aristarkhov A. L. *Povyshenie effektivnosti zaschity prav uchastnikov dogovora uchastiya v dolevom stroitel'stve* [Enhancing Efficient Protection of the Rights of Parties to Shared Construction Contracts]. *Zakonnost' – Legality*. 2017. Issue 8. Pp. 12–16. (In Russ.).

22. Kerimov D. A. *Problemy obschey teorii prava* [Problems of the General Theory of Law]. Moscow, 2000. 82 p. (In Russ.).

23. Covey S. R. *Sem' navykov vysokoэффективnykh lyudey: Moschnye instrumenty razvitiya lichnosti* [The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic]. Moscow, 2012. 530 p. (In Russ.).

24. Kozhevnikov V. V. *Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения* [The Efficiency of Legal Norms and the Efficiency of Their Application: the Problem of Relation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: Theory and Practice*. 2017. Issue 3 (147). Pp. 39–44. (In Russ.).

25. Kozlov V. A. *Voprosy teorii effektivnosti pravovoy normy: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Issues of the Theory of the Legal Norm Efficiency: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1976. 26 p. (In Russ.).

26. Kozlova N. V. *Razvitie instituta ocenki reguliruyuschego vozdeystviya: vvedenie mekhanizma «regulyatornoy gil'otiny»* [The Development of the Institute of Regulatory Impact Assessment: Introducing a 'Regulatory Guillotine']. *Akademik – Academician*. 2019. Issue 2. Pp. 16–19. (In Russ.).

27. *Kommercheskaya elektroenergetika: slovar'-spravochnik* [Commercial Electroenergetics: Glossary]. Moscow, 2006. 112 p. (In Russ.).

28. Kostin A. A., Posmetukhina E. A. *Sootnoshenie ponyatiy «effektivnost'» i «rezul'tativnost'» na primere tamozhennoy deyatelnosti* [Elucidation of the Relation of 'Productivity' and 'Effective-

ness' Concepts through the Example of Customs Activities]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 2014. Vol. 15, Issue 3. Pp. 75–88. (In Russ.).

29. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovno zakonodatel'stva / otv. red. V. P. Kashepov* [Criminalization and Decriminalization as a Form of Transformation of Criminal Legislation; ed. by V. P. Kashepov]. Moscow, 2018. 280 p. (In Russ.).

30. Kurochkin S. A. *Ob effektivnosti norm grazhdanskogo processual'nogo prava* [On Efficiency of Norms of Civil Procedural Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2012. Issue 4 (184). Pp. 24–32. (In Russ.).

31. Laychenkova N. N. *Otdel'nye aspekty sootnosheniya ponyatiy «ekonomicheskaya effektivnost'» i «effektivnost' finansovogo prava»* [Certain Aspects of the Relationship between the Concepts of 'Economic Efficiency' and 'Efficiency of Financial Law']. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal*. 2018. Issue 2 (52). Pp. 155–162. (In Russ.).

32. Lapaeva V. V. *Эффективность закона и методы ее изучения* [Efficiency of Law and Methods of Studying It]. *Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / otv. red. V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov* [Efficiency of Law (Methodology and Specific Research); ed. by V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov]. Moscow, 1997. Pp. 28–44. (In Russ.).

33. Libanova S. E. *Zavisimost' effektivnosti norm grazhdanskogo prava ot edinoobraziya pravoprimereniya* [Dependence of the Efficiency of Civil Law Rules on the Uniformity of Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2009. Issue 10. Pp. 70–75. (In Russ.).

34. Lopatnikov L. I. *Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки* [Economics and Mathematics Dictionary: Dictionary of Modern Economics]. Moscow, 2003. 519 p. (In Russ.).

35. Lyubimov Yu., Novak D., Cygankov D., Nesterenko A., Varvarin A., Ibragimov R., Zharkova O., Moskvitin O., Maslova N., Verle E. «Regulyatornaya gil'otina» [‘Regulatory Guillotine’]. *Zakon*. 2019. Issue 2. Pp. 20–36. (In Russ.).

36. Marochkin S. Yu. *Problema effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava* [The Problem of the Efficiency of International Law Rules]. Irkutsk, 1988. 147 p. (In Russ.).

59. Шундигов К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 30–39.

60. Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 216 с.

61. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянец; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М.: ИНФРА-М, 2015. 336 с.

62. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

63. Юрлов С. А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // Lex russica. 2018. № 10. С. 85–97.

64. Camacho-Minano M., Pascual-Ezama D., Urquía-Grand E. On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain // International Insolvency Review. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187.

65. Coleman J. L. Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic aspects of the Economic-Approach to Law // California Law Review. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249.

66. Cooter R. D. Liberty, Efficiency, and Law // Law and Contemporary Problems. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163.

67. Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics // Harvard Law Review. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996.

68. Etsegenet K. M. Major Women's Right Issues in Ethiopia: examining Efficiency of the Law and Its Enforcement // International Journal of Human Rights and Constitutional Studies. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59.

69. Fokou E., Belanger A. Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Economism in Civil Law of Contracts // Revue General De Droit. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66.

70. Garello P. The Breach of Contract in French Law: Between Safety of Expectations and Efficiency // International Review of Law and Economics. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420.

71. Harel A. Efficiency and Fairness in Criminal-Law – the Case for a Criminal-Law Principle

of Comparative Fault // California Law Review. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229.

72. Liscow Z. Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules // Columbia Law Review. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501;

73. Luttikhuis K. The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two // International Insolvency Review. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253.

74. Margolis S. 2 Definitions of Efficiency in Law and Economics // Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482.

75. Niblett A. On the Efficiency of the Common Law: An Application to the Recovery of Rewards // European Journal of Law and Economics. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417.

76. Pacchi S. Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law // Revista Chilena De Derecho. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393.

77. Staszkievicz P., Morawska S. The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland // European Journal of Law and Economics. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383.

References

1. Aleksandrov O. V. "Regulyatornye gil'otiny": mezhdunarodnyy opyt ustraneniya prepyatstviy dlya biznesa i investirovaniya [Regulatory Guillotines: International Experience in Removing Barriers to Business and Investment]. *Torgovaya politika – Trade Policy*. 2019. Issue 1 (17). Pp. 107–119. (In Russ.).

2. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, 1968. 600 p. (In Russ.).

3. Bayl'dinov E. T. *K voprosu ob effektivnosti sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [On the Efficiency of Modern International Law]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2011. Issue 1. Pp. 134–142. (In Russ.).

4. Black J. *Ekonomika. Tolkovyy slovar': anglo-russkiy* [Economics. Explanatory Dictionary: English-Russian]. Moscow, 2000. 829 p. (In Russ.).

5. Varlamova N. V. *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie koncepcii* [Efficiency of Legal Regulation: Rethinking the Concept]. *Pravovedenie*. 2009. Issue 1. Pp. 212–232. (In Russ.).

37. Nersesyanc V. S. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, 2006. 848 p. (In Russ.).

38. Nikitinskiy V. I. *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Efficiency of Labor Law Rules]. Moscow, 1971. 248 p. (In Russ.).

39. Nugaeva N. R. *Problema effektivnosti prava v istorii otechestvennogo pravovedeniya* [Problem of Law Efficiency in the History of Domestic Jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 2015. Issue 21. Pp. 8–13. (In Russ.).

40. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).

41. Pashkov A. S., Yavich L. S. *Effektivnost' deystviya pravovoy normy (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya)* [Efficiency of the Legal Norm (on the Methodology and Techniques of Sociological Research)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1970. Issue 3. Pp. 40–48. (In Russ.).

42. Pikurov N. I. *Problemy prognozirovaniya rezul'tatov deystviya novogo ugolovnogo zakona* [Problems of Predicting Results of a New Criminal Law Coming into Force]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. Issue 2. Pp. 9–18. (In Russ.).

43. Prokhorov L. A., Prokhorova M. L. *Effektivnost' ugolovno-pravovykh garantiy realizacii prava na oplatu truda i poluchenie ustanovlennykh zakonom vyplat (st. 145.1 UK RF)* [The Efficiency of Criminal Law Guarantees for the Implementation of the Right to Labour Remuneration and the Receipt of the Statutory Payments (Criminal Code of the Russian Federation, Art. 145(1))]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2016. Issue 19. Pp. 32–35. (In Russ.).

44. *Psikhologiya A-Ya. Slovar'-spravochnik* [Psychology A-Z. Glossary]. Moscow, 2000. 448 p. (In Russ.).

45. Punchenko S. I. *O yuridicheskoy, social'noy i inykh vidakh effektivnosti norm prava* [On the Legal, Social and Other Types of Efficiency of Legal Norms]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2010. Issue 5. Pp. 64–66. (In Russ.).

46. Punchenko S. I. *Social'naya effektivnost' prava v sovremennoy Rossii (teoreticheskiy as-*

pekt): dis. ... kand. yurid. nauk [Social Effectiveness of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect): Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 169 p. (In Russ.).

47. Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubceva E. B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern Economics Dictionary]. Moscow, 1997. 496 p. (In Russ.).

48. Rogacheva O. S. *Nauchno-teoreticheskaya interpretaciya kategorii "effektivnost'" v administrativno-deliktnom prave* [Scientific and Theoretical Interpretation of Category 'Efficiency' in Administrative Delict Law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2009. Issue 2 (7). Pp. 260–275. (In Russ.).

49. Rumak V. *Vazhno ne stavit' vo glavu ugla pravovye tradicii, a reshat' ekonomicheskuyu zadachu (Interv'yu s E.P. Gubinyam)* [It Is Important to Solve the Economic Problem Rather than Prioritize Legal Traditions (Interview with E.P. Gubin)]. *Zakon*. 2019. Issue 3. Pp. 8–18. (In Russ.).

50. Salamatina I. V., Smol'nikov D. I. *Normativnoe deregulirovanie v Rossii* [Deregulation in Russia]. *Zakon*. 2018. Issue 3. Pp. 37–44. (In Russ.).

51. Seleznev V. A. *O sporadichnosti primeneniya otdelnykh norm Osobnoy chasti KoAP RF ob administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lic* [On the Sporadic Application of Certain Provisions of the Special Part of the Administrative Code on Administrative Liability of Legal Entities]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2019. Issue 6. Pp. 137–150. DOI: 10.12737 / jrl.2019.6.13. (In Russ.).

52. *Sovetskie zakony, dozhivshie do 2020-go: nalog na kholostyakov i instrukciya po bor'be s mukhami* [Soviet Laws that Have Survived to 2020: Bachelor Tax and Instructions for Combating Flies]. *Komsomol'skaya Pravda*. 2020. February 19–26. (In Russ.).

53. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona i monitoring* [Efficiency of Law and Monitoring]. Moscow, 2010. 52 p. (In Russ.).

54. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona: ot celi k rezul'tatu* [Efficiency of Law: from Purpose to Result]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2009. Issue 4. Pp. 3–9. (In Russ.).

55. Fedosova V. A. *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The Effectiveness of the Norms of Soviet State Law]. Voronezh, 1984. 157 p. (In Russ.).

6. Vishnevskiy A. A. *Zavereniya ob obstoyatel'stvakh: k voprosu ob effektivnosti pravovoy konstrukcii* [Statements of Circumstances: Their Efficiency]. *Zakon*. 2017. Issue 11. Pp. 176–183. (In Russ.).

7. Vlasov M. P. *Ekonomiko-matematicheskie metody v kommercheskoy deyatel'nosti* [Economic and Mathematical Methods in Commercial Activities]. St. Petersburg, 2012. (In Russ.).

8. Gadzhiev G. A. *Normokontrol' v sochetanii s deliktными iskami – effektivnyy sposob zaschity prav predprinimateley. Kommentariy k Postanovleniyu KS RF ot 06.07.2018 № 29-P* [Regulatory Compliance Verification Combined with Tort Lawsuits is an Effective Way to Protect the Rights of Entrepreneurs. Commentary on the Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P of July 6, 2018]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federacii – Herald of Economic Justice*. 2018. Issue 12. Pp. 63–71. (In Russ.).

9. Gubin E. P. *Gosudarstvennoe regulirovaniye rynochnoy ekonomiki i predprinimatel'stva: pravovye problemy* [State Regulation of Market Economy and Entrepreneurship: Legal Problems]. Moscow, 2006. 312 p. (In Russ.).

10. Didikin A. B. *“Regulyatornaya gil'otina” v mekhanizme vzaimodeystviya rossiyskogo gosudarstva i obschestva* [‘Regulatory Guillotine’ in the Mechanism of Interaction of the Russian State and Society]. *Akademik – Academician*. 2019. Issue 2. Pp. 10–15. (In Russ.).

11. Didikin A. B. *Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv uluchsheniya regulatorynoy sredy* [Monitoring the Actual Effect in the System of Legal Means of Improving the Regulatory Environment]. *Monitoring pravoprimeneniya – Monitoring of Law Enforcement*. 2019. Issue 3 (32). Pp. 16–20. (In Russ.).

12. Zhinkin S. A. *O vliyaniy psikhologicheskikh faktorov na effektivnost' norm prava* [On the Influence of Psychological Factors on the Effectiveness of the Rule of Law]. *Yurist-Pravoved – Jurist-Legist*. 2007. Issue 6 (25). Pp. 74–76. (In Russ.).

13. Zhinkin S. A. *O metodologicheskikh principakh issledovaniya effektivnosti norm zakonodatel'stva* [On the Methodological Principles of Studying the Efficiency of Legislative Norms]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2008. Issue 19. Pp. 33–34. (In Russ.).

14. Zhinkin S. A. *O novykh metodologicheskikh podkhodakh k issledovaniyu problem ef-*

ektivnosti prava [On the New Methodological Approaches to Studying the Problems of Efficiency of Law]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2009. Issue 10. Pp. 30–31. (In Russ.).

15. Zhinkin S. A. *Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava* [Psychological Problems of the Efficiency of Law]. St. Petersburg, 2009. 337 p. (In Russ.).

16. Zhinkin S. A. *Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Efficiency of Law: Anthropological and Value Dimension: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 41 p. (In Russ.).

17. Zakharkina A. V., Kuznetsova O. A. *Razvitiye instrumentov pryamogo finansirovaniya sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: pravovoy aspekt* [Development of the Instruments for Direct Financing of Small and Medium-Sized Business: the Legal Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019. Issue 46. Pp. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671. (In Russ.).

18. Ibragimova S. V. *Social'naya effektivnost' prava* [The Social Effectiveness of Law]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh – Perm Legal Almanac*. 2018. Issue 1. Pp. C. 227–232. (In Russ.).

19. Ikonickaya I. A. *Problemy effektivnosti v zemel'nom prave* [Problems of Efficiency in Land Law]. Moscow, 1979. 183 p. (In Russ.).

20. *Kak obespechit' effektivnost' zakona: nauchnoe izdanie / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov* [How to Ensure the Efficiency of Law: Scientific Publication; ed. by Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov]. Moscow, 2019. 208 p. (In Russ.).

21. Kamchatov K. V., Zyablina M. V., Aristarkhov A. L. *Povysheniye effektivnosti zaschity prav uchastnikov dogovora uchastiya v dolevom stroitel'stve* [Enhancing Efficient Protection of the Rights of Parties to Shared Construction Contracts]. *Zakonnost' – Legality*. 2017. Issue 8. Pp. 12–16. (In Russ.).

22. Kerimov D. A. *Problemy obschey teorii prava* [Problems of the General Theory of Law]. Moscow, 2000. 82 p. (In Russ.).

23. Covey S. R. *Sem' navykov vysokoeffektivnykh lyudey: Moschnye instrumenty razvitiya lichnosti* [The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic]. Moscow, 2012. 530 p. (In Russ.).

56. *Filosofiya: Enciklopedicheskiy slovar' / pod. red. A. A. Ivina* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary; ed. by A. A. Ivin]. Moscow, 2004. 1072 p. (In Russ.).

57. Khoroshil'cev A. I. *Effektivnost' prava: ponyatie i osobennosti* [Efficiency of Law: Concept and Features]. *Obschestvo i pravo – Society and Law*. 2011. Issue 2 (34). Pp. 47–51. (In Russ.).

58. Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1995. 384 p. (In Russ.).

59. Shundikov K. V. *Celi, sredstva i rezul'taty v pravorealizacionnom processe* [Goals, Tools and Results in the Legal Process]. *Pravovedenie*. 2001. Issue 4. Pp. 30–39. (In Russ.).

60. Shuplecova Yu. I. *Pravovoe regulirovaniye lesnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federacii: monografiya* [Legal Regulation of Forestry Relations in the Russian Federation: Monograph]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.).

61. *Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yantsev* [Efficiency of Legislation: Theory and Practice; ed. by Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yantsev]. Moscow, 2015. 336 p. (In Russ.).

62. *Effektivnost' pravovykh norm / Kudryavcev V. N., Nikitskiy V. I., Samoshenko I. S., Glazyrin V. V.* [Efficiency of Legal Norms; V. N. Kudryavtsev, V. I. Nikitskiy, I. S. Samoshenko, V. V. Glazyrin]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).

63. Yurlov S. A. *Opredelennost' normativnogo regulirovaniya sporta kak predposylka ustanovleniya chetkikh predelov avtonomii sportivnykh organizatsiy i effektivnoy zaschity prav sportsmenov* [Certainty of Regulatory Activities as a Prerequisite to Establishment of Clear Limits of the Autonomy of Sports Organizations and the Effective Protection of the Rights of Athletes]. *Lex Russica*. 2018. Issue 10. Pp. 85–97. (In Russ.).

64. Camacho-Miñano M., Pascual-Ezama D., Urquia-Grande E. *On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain*. *International Insolvency Review*. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187. (In Eng.).

65. Coleman J. L. *Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic Aspects of the Economic Approach to Law*. *California Law Review*. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249. (In Eng.).

66. Cooter R. D. *Liberty, Efficiency, and Law. Law and Contemporary Problems*. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163. (In Eng.).

67. *Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics*. *Harvard Law Review*. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996. (In Eng.).

68. Etsegenet Kedir M. *Major Women's Right Issues in Ethiopia: Examining Efficiency of the Law and its Enforcement*. *International Journal of Human Rights and Constitutional Studies*. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59. (In Eng.).

69. Fokou E., Bélanger A. *Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Economics in Civil Law of Contracts*. *Revue Générale de Droit*. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66. (In Eng.).

70. Garello P. *The Breach of Contract in French Law: between Safety of Expectations and Efficiency*. *International Review of Law and Economics*. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420. (In Eng.).

71. Harel A. *Efficiency and Fairness in Criminal Law – the Case for a Criminal-Law Principle of Comparative Fault*. *California Law Review*. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229. (In Eng.).

72. Liscow Z. *Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules*. *Columbia Law Review*. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501. (In Eng.).

73. Luttikhuis K. *The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two*. *International Insolvency Review*. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253. (In Eng.).

74. Margolis S. *Two Definitions of Efficiency in Law and Economics*. *Journal of Legal Studies*. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482. (In Eng.).

75. Niblett A. *On the Efficiency of the Common Law: an Application to the Recovery of Rewards*. *European Journal of Law and Economics*. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417. (In Eng.).

76. Pacchi S. *Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law*. *Revista Chilena de Derecho*. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393. (In Eng.).

77. Staszkievicz P., Morawska S. *The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland*. *European Journal of Law and Economics*. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383. (In Eng.).

24. Kozhevnikov V. V. *Effektivnost' norm prava i effektivnosti ikh primeneniya: problema sootnosheniya* [The Efficiency of Legal Norms and the Efficiency of Their Application: the Problem of Relation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: Theory and Practice*. 2017. Issue 3 (147). Pp. 39–44. (In Russ.).

25. Kozlov V. A. *Voprosy teorii effektivnosti pravovoy normy: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Issues of the Theory of the Legal Norm Efficiency: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1976. 26 p. (In Russ.).

26. Kozlova N. V. *Razvitie instituta ochenki reguliruyushchego vozdeystviya: vvedenie mekhanizma «regulyatornoy gil'otiny»* [The Development of the Institute of Regulatory Impact Assessment: Introducing a 'Regulatory Guillotine']. *Akademik – Academician*. 2019. Issue 2. Pp. 16–19. (In Russ.).

27. *Kommercheskaya elektroenergetika: slovar'-spravochnik* [Commercial Electroenergetics: Glossary]. Moscow, 2006. 112 p. (In Russ.).

28. Kostin A. A., Posmetukhina E. A. *Sootnoshenie ponyatiy "effektivnost'" i "rezul'tativnost'" na primere tamozhennoy deyatel'nosti* [Elucidation of the Relation of 'Productivity' and 'Effectiveness' Concepts through the Example of Customs Activities]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 2014. Vol. 15, Issue 3. Pp. 75–88. (In Russ.).

29. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnoy zakonodatel'stva / otv. red. V. P. Kashepov* [Criminalization and Decriminalization as a Form of Transformation of Criminal Legislation; ed. by V. P. Kashepov]. Moscow, 2018. 280 p. (In Russ.).

30. Kurochkin S. A. *Ob effektivnosti norm grazhdanskogo processual'nogo prava* [On Efficiency of Norms of Civil Procedural Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2012. Issue 4 (184). Pp. 24–32. (In Russ.).

31. Laychenkova N. N. *Otdel'nye aspekty sootnosheniya ponyatiy "ekonomicheskaya effektivnost'" i "effektivnost' finansovogo prava"* [Certain Aspects of the Relationship between the Concepts of 'Economic Efficiency' and 'Efficiency of Financial Law']. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal*. 2018. Issue 2 (52). Pp. 155–162. (In Russ.).

32. Lapaeva V. V. *Effektivnost' zakona i metody ee izucheniya* [Efficiency of Law and Methods of Studying It]. *Effektivnost' zakona (metodologiya i konkretnye issledovaniya) / otv. red.*

V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov [Efficiency of Law (Methodology and Specific Research); ed. by V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov]. Moscow, 1997. Pp. 28–44. (In Russ.).

33. Libanova S. E. *Zavisimost' effektivnosti norm grazhdanskogo prava ot edinoobraziya pravoprimereniya* [Dependence of the Efficiency of Civil Law Rules on the Uniformity of Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2009. Issue 10. Pp. 70–75. (In Russ.).

34. Lopatnikov L. I. *Ekonomiko-matematicheskij slovar': slovar' sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [Economics and Mathematics Dictionary: Dictionary of Modern Economics]. Moscow, 2003. 519 p. (In Russ.).

35. Lyubimov Yu., Novak D., Cygankov D., Nesterenko A., Varvarin A., Ibragimov R., Zharkova O., Moskvitin O., Maslova N., Verle E. *«Regulyatornaya gil'otina»* [‘Regulatory Guillotine’]. *Zakon*. 2019. Issue 2. Pp. 20–36. (In Russ.).

36. Marochkin S. Yu. *Problema effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava* [The Problem of the Efficiency of International Law Rules]. Irkutsk, 1988. 147 p. (In Russ.).

37. Nersesyanc V. S. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, 2006. 848 p. (In Russ.).

38. Nikitinskiy V. I. *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Efficiency of Labor Law Rules]. Moscow, 1971. 248 p. (In Russ.).

39. Nugaeva N. R. *Problema effektivnosti prava v istorii otechestvennogo pravovedeniya* [Problem of Law Efficiency in the History of Domestic Jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 2015. Issue 21. Pp. 8–13. (In Russ.).

40. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).

41. Pashkov A. S., Yavich L. S. *Effektivnost' deystviya pravovoy normy (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya)* [Efficiency of the Legal Norm (on the Methodology and Techniques of Sociological Research)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1970. Issue 3. Pp. 40–48. (In Russ.).

42. Pikurov N. I. *Problemy prognozirovaniya rezul'tatov deystviya novogo ugolovnoy zakona* [Problems of Predicting Results of a New Criminal Law Coming into Force]. *Zakony Rossii: opyt,*

References in Russian

1. Александров О. В. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // Торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 107–119.

2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1968. 600 с.

3. Байльдинов Е. Т. К вопросу об эффективности современного международного права // Современное право. 2011. № 1. С. 134–142.

4. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь: англо-русский. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2000. 829 с.

5. Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.

6. Вишневский А. А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. 2017. № 11. С. 176–183.

7. Власов М. П. Экономико-математические методы в коммерческой деятельности. СПб., 2012.

8. Гаджиев Г. А. Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками – эффективный способ защиты прав предпринимателей. Комментарий к постановлению КС РФ от 06.07.2018 № 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 63–71.

9. Губин Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юристъ, 2006. 312 с.

10. Дидикин А. Б. «Регуляторная гильотина» в механизме взаимодействия российского государства и общества // Академик. 2019. № 2. С. 10–15.

11. Дидикин А. Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3 (32). С. 16–20.

12. Жинкин С. А. О влиянии психологических факторов на эффективность норм права // Юристъ-Правовед. 2007. № 6 (25). С. 74–76.

13. Жинкин С. А. О методологических принципах исследования эффективности норм законодательства // Российский следователь. 2008. № 19. С. 33–34.

14. Жинкин С. А. О новых методологических подходах к исследованию проблем эффективности права // Российский следователь. 2009. № 10. С. 30–31.

15. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 373 с.

16. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.

17. Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671.

18. Ибрагимова С. В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 227–232.

19. Иконицкая И. А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979. 183 с.

20. Как обеспечить эффективность закона / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. М.: Сенатор-Пресс, 2019. 208 с.

21. Камчатова К. В., Яблина М. В., Аристархов А. Л. Повышение эффективности защиты прав участников договора участия в долевом строительстве // Законность. 2017. № 8. С. 12–16.

22. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права. М.: Современный гуманитарный университет, 2000. 82 с.

23. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2012. 530 с.

24. Кожевников В. В. Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 39–44.

25. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. 26 с.

26. Козлова Н. В. Развитие института оценки регулирующего воздействия: введение механизма «регуляторной гильотины» // Академик. 2019. № 2. С. 16–19.

27. *Коммерческая электроэнергетика: слов.-справ.* М.: НЦ ЭНАС, 2006. 112 с.

28. Костин А. А., Посметухина Е. А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» на примере таможенной деятельности // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15, № 3. С. 75–88.

29. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законо-

analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 2. Pp. 9–18. (In Russ.).

43. Prokhorov L. A., Prokhorova M. L. *Effektivnost' ugovorno-pravovykh garantiy realizatsii prava na oplatu truda i poluchenie ustanovlennykh zakonom vyplat (st. 145.1 UK RF)* [The Efficiency of Criminal Law Guarantees for the Implementation of the Right to Labour Remuneration and the Receipt of the Statutory Payments (Criminal Code of the Russian Federation, Art. 145(1))]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian Investigator. 2016. Issue 19. Pp. 32–35. (In Russ.).

44. *Psikhologiya A-Ya. Slovar'-spravochnik* [Psychology A-Z. Glossary]. Moscow, 2000. 448 p. (In Russ.).

45. Puchenko S. I. *O yuridicheskoy, social'noy i inykh vidakh effektivnosti norm prava* [On the Legal, Social and Other Types of Efficiency of Legal Norms]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* – Legal Bulletin of the Kuban State University. 2010. Issue 5. Pp. 64–66. (In Russ.).

46. Puchenko S. I. *Social'naya effektivnost' prava v sovremennoy Rossii (teoreticheskiy aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk* [Social Effectiveness of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect): Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 169 p. (In Russ.).

47. Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubceva E. B. *Sovremennyy ekonomicheskyy slovar'* [Modern Economics Dictionary]. Moscow, 1997. 496 p. (In Russ.).

48. Rogacheva O. S. *Nauchno-teoreticheskaya interpretatsiya kategorii "effektivnost'" v administrativno-deliktnom prave* [Scientific and Theoretical Interpretation of Category 'Efficiency' in Administrative Delict Law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2009. Issue 2 (7). Pp. 260–275. (In Russ.).

49. Rumak V. *Vazhno ne stavit' vo glavu ugla pravovye tradicii, a reshat' ekonomicheskuyu zadachu (Interv'y u E.P. Gubinyam)* [It Is Important to Solve the Economic Problem Rather than Prioritize Legal Traditions (Interview with E.P. Gubin)]. *Zakon*. 2019. Issue 3. Pp. 8–18. (In Russ.).

50. Salamatina I. V., Smol'nikov D. I. *Normativnoe deregulirovanie v Rossii* [Deregulation in Russia]. *Zakon*. 2018. Issue 3. Pp. 37–44. (In Russ.).

51. Seleznev V. A. *O sporadichnosti primeneniya otdelnykh norm Osobennoy chasti KoAP RF ob administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lic* [On the Sporadic Application of Certain Provisions of the Special Part of the Administrative Code on Administrative Liability of Legal Entities]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2019. Issue 6. Pp. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13. (In Russ.).

52. *Sovetskie zakony, dozvivshie do 2020-go: nalog na kholostyakov i instrukciya po bor'be s mukhami* [Soviet Laws that Have Survived to 2020: Bachelor Tax and Instructions for Combating Flies]. *Komsomol'skaya Pravda*. 2020. February 19–26. (In Russ.).

53. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona i monitoring* [Efficiency of Law and Monitoring]. Moscow, 2010. 52 p. (In Russ.).

54. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona: ot celi k rezul'tatu* [Efficiency of Law: from Purpose to Result]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2009. Issue 4. Pp. 3–9. (In Russ.).

55. Fedosova V. A. *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The Effectiveness of the Norms of Soviet State Law]. Voronezh, 1984. 157 p. (In Russ.).

56. *Filosofiya: Enciklopedicheskiy slovar' / pod. red. A. A. Ivina* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary; ed. by A. A. Ivin]. Moscow, 2004. 1072 p. (In Russ.).

57. Khoroshil'cev A. I. *Effektivnost' prava: ponyatie i osobennosti* [Efficiency of Law: Concept and Features]. *Obschestvo i pravo* – Society and Law. 2011. Issue 2 (34). Pp. 47–51. (In Russ.).

58. Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1995. 384 p. (In Russ.).

59. Shundikov K. V. *Celi, sredstva i rezul'taty v pravorealizacionnom processe* [Goals, Tools and Results in the Legal Process]. *Pravovedenie*. 2001. Issue 4. Pp. 30–39. (In Russ.).

60. Shuplecova Yu. I. *Pravovoe regulirovanie lesnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federacii: monografiya* [Legal Regulation of Forestry Relations in the Russian Federation: Monograph]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.).

61. *Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yantsev* [Efficiency of Legislation: Theory and Practice; ed. by Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yantsev]. Moscow, 2015. 336 p. (In Russ.).

дательства / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

30. Курочкин С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 24–32.

31. Лайченкова Н. Н. Отдельные аспекты соотношения понятий «экономическая эффективность» и «эффективность финансового права» // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2 (52). С. 155–162.

32. Лапаева В. В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. С. 28–44.

33. Либанова С. Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 70–75.

34. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: слов. соврем. эконом. науки. М.: Дело, 2003. 519 с.

35. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. 2019. № 2. С. 20–36.

36. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. 147 с.

37. Нерсесянц В. С. *Философия права*. М.: Норма, 2006. 848 с.

38. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

39. Нугаева Н. Р. Проблема эффективности права в истории отечественного правоведения // История государства и права. 2015. № 21. С. 8–13.

40. Ожegov С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

41. Паиков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

42. Пикуров Н. И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 9–18.

43. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Эффективность уголовно-правовых гарантий реа-

лизации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32–35.

44. *Психология А–Я. Словарь-справочник*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.

45. Пунченко С. И. О юридической, социальной и иных видах эффективности норм права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2010. № 5. С. 64–66.

46. Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 169 с.

47. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. *Современный экономический словарь*. М.: Инфра-М, 1997. 496 с.

48. Rogacheva O. S. Научно-теоретическая интерпретация категории «эффективность» в административно-деликтном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2(7). С. 260–275.

49. Румак В. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу: Интервью с Е. П. Губиным // Закон. 2019. № 3. С. 8–18.

50. Salamatina I. V., Smol'nikov D. I. *Нормативное дерегулирование в России* // Закон. 2018. № 3. С. 37–44.

51. Seleznev V. A. О спорадичности применения отдельных норм Особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13.

52. *Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами* // Комсомольская правда. 2020. 19–26 февр.

53. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона и мониторинг. М.: Изд-во РАГС, 2010. 52 с.

54. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9.

55. Fedosova V. A. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.

56. *Философия: энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина*. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

57. Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 47–51.

58. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

62. Effektivnost' pravovykh norm / Kudryavcev V. N., Nikitskiy V. I., Samoschenko I. S., Glazyrin V. V. [Efficiency of Legal Norms; V. N. Kudryavtsev, V. I. Nikitskiy, I. S. Samoshchenko, V. V. Glazyrin]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).

63. Yurlov S. A. *Opredelennost' normativnogo regulirovaniya sporta kak predposylka ustanovleniya chetkikh predelov avtonomii sportivnykh organizatsiy i effektivnoy zaschity prav sportsmenov* [Certainty of Regulatory Activities as a Prerequisite to Establishment of Clear Limits of the Autonomy of Sports Organizations and the Effective Protection of the Rights of Athletes]. *Lex Russica*. 2018. Issue 10. Pp. 85–97. (In Russ.).

64. Camacho-Miñano M., Pascual-Ezama D., Urquia-Grande E. On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain. *International Insolvency Review*. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187. (In Eng.).

65. Coleman J. L. Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic Aspects of the Economic Approach to Law. *California Law Review*. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249. (In Eng.).

66. Cooter R. D. Liberty, Efficiency, and Law. *Law and Contemporary Problems*. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163. (In Eng.).

67. Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics. *Harvard Law Review*. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996. (In Eng.).

68. Etsegenet Kedir M. Major Women's Right Issues in Ethiopia: Examining Efficiency of the Law and its Enforcement. *International Journal of Human Rights and Constitutional Studies*. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59. (In Eng.).

69. Fokou E., Bélanger A. Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Econom-

ism in Civil Law of Contracts. *Revue Générale de Droit*. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66. (In Eng.).

70. Garello P. The Breach of Contract in French Law: between Safety of Expectations and Efficiency. *International Review of Law and Economics*. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420. (In Eng.).

71. Harel A. Efficiency and Fairness in Criminal Law – the Case for a Criminal-Law Principle of Comparative Fault. *California Law Review*. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229. (In Eng.).

72. Liscow Z. Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules. *Columbia Law Review*. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501. (In Eng.).

73. Luttikhuis K. The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two. *International Insolvency Review*. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253. (In Eng.).

74. Margolis S. Two Definitions of Efficiency in Law and Economics. *Journal of Legal Studies*. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482. (In Eng.).

75. Niblett A. On the Efficiency of the Common Law: an Application to the Recovery of Rewards. *European Journal of Law and Economics*. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417. (In Eng.).

76. Pacchi S. Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law. *Revista Chilena de Derecho*. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393. (In Eng.).

77. Staszkiwicz P., Morawska S. The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland. *European Journal of Law and Economics*. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383. (In Eng.).

59. Шундигов К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // *Правоведение*. 2001. № 4. С. 30–39.

60. Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 216 с.

61. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянец; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М.: ИНФРА-М, 2015. 336 с.

62. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

63. Юрлов С. А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // *Lex russica*. 2018. № 10. С. 85–97.

64. Camacho-Miñano M., Pascual-Ezama D., Urquia-Grande E. On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain // *International Insolvency Review*. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187.

65. Coleman J. L. Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic aspects of the Economic Approach to Law // *California Law Review*. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249.

66. Cooter R. D. Liberty, Efficiency, and Law // *Law and Contemporary Problems*. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163.

67. Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics // *Harvard Law Review*. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996.

68. Etsegenet K. M. Major Women's Right Issues in Ethiopia: examining Efficiency of the Law

and Its Enforcement // *International Journal of Human Rights and Constitutional Studies*. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59.

69. Fokou E., Bélanger A. Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Economism in Civil Law of Contracts // *Revue General De Droit*. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66.

70. Garello P. The Breach of Contract in French Law: Between Safety of Expectations and Efficiency // *International Review of Law and Economics*. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420.

71. Harel A. Efficiency and Fairness in Criminal-Law – the Case for a Criminal-Law Principle of Comparative Fault // *California Law Review*. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229.

72. Liscow Z. Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules // *Columbia Law Review*. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501;

73. Luttikhuis K. The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two // *International Insolvency Review*. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253.

74. Margolis S. 2 Definitions of Efficiency in Law and Economics // *Journal of Legal Studies*. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482.

75. Niblett A. On the Efficiency of the Common Law: An Application to the Recovery of Rewards // *European Journal of Law and Economics*. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417.

76. Pacchi S. Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law // *Revista Chilena De Derecho*. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393.

77. Staszkiwicz P., Morawska S. The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland // *European Journal of Law and Economics*. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383.